

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ВАЩЕКИНА

Россия, Москва

РУССКИЕ И ИСПАНСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

ABSTRACT:

The aim of the article is to reveal specificity of the national worldview as exemplified by the contrast of Spanish and Russian phraseological units describing human intellectual abilities. The national and cultural specific features are manifested in the image content of phraseological units: there are variations in semantic components indicating differences in image thinking of Russian and Spanish speakers. The article also considers semantic similarity and distance of Russian and Spanish phraseological units.

KEY WORD:

Phraseological unit – contrast – national worldview – model – equivalence – variation – image – comparison.

Национально-культурная специфика интенсивно проявляется во фразеологии – сокровищнице любого литературного языка, где преломляется все связанное с историей определенного народа, его бытом, традициями, обычаями, культурой, географией.

Русские и испанские фразеологизмы, обозначающие интеллектуальные способности человека, наглядно иллюстрируют связь между языковой единицей и культурой, образом жизни, национальным характером. Национальная картина мира отражается в образном содержании фразеологических единиц (ФЕ): возможно варьирование лексических компонентов, передающих неодинаковость в образности мышления носителей русского или испанского языков, устанавливаются семантические сходства и различия русских и испанских фразеологических единиц.

Сопоставительный анализ фразеологического материала, обозначающего интеллектуальные способности человека в русском и испанском языках, показывает, что подавляющее его большинство в обоих языках представляют собой ФЕ, обозначающие глупого, бестолкового, несообразительного человека,

нежели умного, сообразительного. Это универсальное свойство языка. Анализ содержательной стороны исходных фразеологических единиц дает основание наметить модели, участвующие в образовании ФЕ исследуемой группы, такие, как, например, модель общей символики головы как «вместилище ума», «отсутствие вместилища ума», «древесное значение», «сравнение с предметом посуды», «высокое развитие интеллекта», «сравнение с животными» и т.д.

Больше всего фразеологизмов, обозначающих как умного, так и глупого человека, связано с *соматическим компонентом* (образом головы). Например, **иметь голову на плечах** (разг., одобр.) – модель *общей символики головы* как «вместилища ума». Выражение образовано путем опущения эпитета *умную* голову. В испанском языке имеются семантические эквиваленты данной ФЕ: **tener (much) cabeza** (букв. *иметь большую голову; быть башковитым, с головой*), **tener mucho seso** (букв. *иметь много мозгов, ума*), **tener buen seso** (букв. *иметь хороший ум, мозг*), что значит *быть умным, толковым*, а ФЕ **tener la cabeza sobre los hombros** (букв. *иметь голову на плечах*) является полным и лексическим, и семантическим эквивалентом русского фразеологизма. Причем, испанцы, в отличие от русских, используют эпитеты *большая или хорошая* голова. Или, например, для обозначения несообразительного, глупого человека в русском языке употребляется ФЕ **голова садовая; садовая голова** (прост., неодобр.; шутл-ирон.). Здесь прилагательное *садовая* значит *огородная*. Известно, что картофель, лук, капусту в просторечии часто называют головой или головкой. «Сравнение же с кочаном капусты, твердым и зеленым, вносит в слово *голова* отрицательную оценочность» [Мокиенко 1999: 119]. В испанском же языке одно и то же выражение **cabeza de chorlito** (букв. *безголовый человек; шляпа, ветренник*) означает и *голова садовая, и пустая голова, и мякинная*.

К модели «сравнение головы с предметом посуды» относятся ФЕ **голова варит, котелок варит** у кого (разг., одобр.), т.е. *кто-либо сообразителен, догадлив, понятлив*. Слово *котелок* выступает здесь в переносном метафорическом значении «голова». Экспрессивность данной ФЕ создается за счет глагола *варить*, что в целом придает образу интенсивность, эмоциональность. В испанском языке нет эквивалента данному выражению, но существует ФЕ **la cabeza carbura (funciona como un reloj)**, что буквально означает *голова работает как часы*. Как видим, в испанском языке ФЕ выражает меньше экспрессии, выражение более нейтрально, нет иронии. Отсюда стилистическое расхождение с русским языком.

Или рассмотрим модель «идея света» во «вместилище ума». Значение метонимической конструкции **светлая голова** (разг., одобр.) – *очень умный, ясно, логично мыслящий человек* – аналогично испанской **una cabeza clara** (букв. *светлая голова*), а также вариантам данной ФЕ **mente lúcida** (букв. *светлый, ясный ум*), **mente despejada** (букв. *светлый, ясный ум*), **inteligencia clara** (букв. *светлый, ясный ум, разум, интеллект*), которые тоже являются семантическими эквивалентами русской ФЕ. Кроме того, испанцы, говоря об умной, светлой голове, светлом уме, используют ФЕ **cabeza**

política (букв. *политическая голова*), эквивалента которому нет у русских. Испанское выражение **ser una lumbrera** имеет два значения: *быть светил*ом, *знаменитостью*, а также *светлая голова*, что также находит отражение и в русском языке.

Вариантом модели «*вместилище ума*» служит модель «*большое множество чего-либо*», а также «*большой и широкий лоб как вместилище мозга*», что позволяет судить об умственных способностях человека, например: **семи пядей во лбу** (разг. одобр.), **будь <хоть> семи пядей во лбу, будь <хоть> семи пяденей (пядень) во лбу** (устар.). Если понимать выражение буквально, то лоб человека, имеющий семь пядей, был бы высотой около полутора метров. Гиперболичность здесь усиливается числом *семь*, имеющим в русской фразеологии обобщенное значение большого множества. Выражение **tener más de dos palmos de frente** (букв. *иметь больше двух пядей во лбу*) аналогично русскому, но испанцы используют числительное *два*, которое довольно часто встречается в испанских фразеологизмах и имеет, по всей вероятности, то же магическое значение, что и число *семь* в русском языке. Вариантом данного выражения в испанском языке является ФЕ **ser un pozo de ciencia**, что значит *быть кладезем премудрости, неиссякаемым источником знаний* и что также характерно для русского языка. Кроме того, в испанском языке есть еще ФЕ с компонентом «*собственное имя*», связанные с топонимикой Испании, например, **saber más que Lepe** (букв. *знать больше, чем жители деревни Лепе*) и ФЕ с компонентом «*животное*» **andar caballo** (разг.) (букв. *ходить конем*), чего не отмечено в русской фразеологии.

Рассмотрим еще один вариант модели «*вместилище ума*», модель «*большое вместилище ума*», например, ФЕ **ума палата у кого** (разг. одобр.), что значит «*много ума*», «*большое вместилище ума*». Синонимом данной ФЕ в русском языке служит выражение **кладезь премудрости** (шутл.), лексическим и семантическим эквивалентом которого в испанском языке является **es un pozo de ciencia**, когда речь идет о человеке с большими знаниями. В данной ФЕ к компоненту «*большое вместилище ума*» добавляется и компонент «*глубина*», т.е. неиссякаемый источник знаний, мыслей, ума. В русском языке ФЕ **ума палата + компонент количества «умных» = Дом Советов**, т.е. они по значению похожи. ФЕ **у него не голова, а Дом Советов** является лакунарной по отношению к испанской фразеологии.

Рассмотрим модель «*сравнение с животными*». Интересно отметить, что испанцы умного, сообразительного, даже хитрого человека, который может предвидеть хорошие возможности в каком-то деле, называют рысью – **una persona es un lince** (букв. *человек – рысь*), чего не отмечено в русском языке. Здесь, по всей вероятности, ФЕ говорит не только об интеллектуальных способностях человека (хотя в первую очередь речь идет об интеллекте), но и о поведенческой реакции, которая напрямую и не выражена. Кроме того, в русской фразеологии нет ФЕ с компонентом «*отрицание наличия чего-либо*», что отмечено в испанском языке: **no tener un pelo de tonto** (букв. *не иметь*

ни одного волоска от дурака). Синонимом данной ФЕ является ФЕ **ser muy listo**, что буквально означает *быть умным, сообразительным*.

Негативная оценка интеллектуальных способностей человека в русском языке связана чаще всего с образами дерева (например, *дубина, пень, чурбан*). Например, **дубовая голова (башка); голова дубовая, пень березовый (в два обхвата, дырявый), чурка с глазами**. В испанском же языке отрицательная оценка связана тоже либо с образом дерева: **de alcornoque** (букв. *дубина, что-то от пробкового дуба, дубовая голова*), что является семантическим эквивалентом русской ФЕ, либо с формой: **cabeza redonda** (букв. *круглая голова*), **cabeza de tarro (de chorlito)** (букв. *цилиндрическая голова*), либо с одеждой: **tonto de capirote** (букв. *капюшон с отверстиями для глаз; докторская шапочка*), либо с овощами: **como un melón (los melons) de invierno** (букв. *как зимняя дыня*), **ser un melón** (букв. *быть дыней*), либо с растением: **más tonto que un hilo de uvas** (букв. *намного тупее, чем виноградная нить*), либо с каким-то предметом: **estar como un guardacantón** (букв. *тумба на тротуарах, у дороги*), либо с собственным именем: **bobo de Coria, es bobo de Coria** (букв. *дурак из Гори*), а также тупицу, очень глупого человека сравнивают с лавой: **tonto de lava** (букв. *дурак из лавы*), с именем собственным, например, **es más tonto que Abundio!** (букв. *более глупый, чем Абундио!* Речь идет о человеке, который пошел собирать виноград, а принес десерт из винограда, или который продал машину, чтобы купить бензин), а также тупой сравнивается с родителями, которые еще были женихом и невестой: **es tonto desde que sus padres eran novios**, чего нет в русском языке.

Итак, проведенный анализ ФЕ, обозначающих интеллектуальные способности человека, позволяет прийти к выводу, что в русском и испанском языках достаточно много семантических эквивалентов, что свидетельствует о большем сходстве, нежели различии. Наш материал подтвердил исследование, представленное В.М. Мокиенко и Е. Николаевой о том, что «сужение диапазона собственно национальных рамок фразеологической системы дает возможность объективно оценить масштабы межъязыкового взаимодействия русского языка с другими языками Европы» [Мокиенко, Николаева 2002: 21].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И. (1999): *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург.
- ЖУКОВ, В. П. (1987): *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. М.
- ЛЕВИНТОВА, Э. И. (1985): *Испанско-русский фразеологический словарь*. М.
- МЕЛЕРОВИЧ, А. М., МОКИЕНКО, В. М. (2001): *Фразеологизмы в русской речи*. М.
- МОЛОТКОВ, А. И. (1978): *Фразеологический словарь русского языка*. М.
- МОКИЕНКО, В. М., НИКОЛАЕВА, Е. К. (2002): *Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира*. In: *Rossica Olomucensia XL* (Za rok 2001), Olomouc, 1, с.17–35.
- МОКИЕНКО, В. М. (1989): *Славянская фразеология*. М.

МИХАЛ ВРОНЬСКИ

Чехия, Оломоуц

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ПТИЦА» В КАШУБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

ABSTRACT:

Many phraseological units of the Kashubian and Polish languages are connected with the names of birds. Phraseological units with an ornithological component may furnish the clue to the understanding of the nation's character, culture and history, and its comparison with equivalents in other languages help to understand and to know better one's own language. The objective of this article is to give some annotation on the significance that names of birds get. The lexical group of birds in Kashubian as well as in Polish is big and representative. In this article we try to give common characteristics of the birds as a thematic group.

KEY WORDS:

Phraseology – birds – dialect – Kashubia – idiom – semantic group – classification.

Птицы всегда были для человека существами таинственными, и орнитологический мир всегда играл в его жизни значительную роль. Это был результат того, что человек каждый день встречал птиц и со временем сжился с ними. Эта связь между человеком и птицей была настолько сильной, что логически отразилась в его языке. В диалектах и говорах древних людей возникло множество поговорок, пословиц и крылатых слов, в которых отразились птицы.

Поскольку птицы на протяжении столетий являлись неотъемлемой частью жизни человека, то не могли не проявиться и во фразеологизмах.

Итак, предметом исследования настоящей работы стали фразеологические единицы с компонентом птицы, зафиксированные в одном из польских диалектов, а именно: кашубском.

Цель нашей работы – попытка классификации этих фразеологизмов с точки зрения семантической характеристики, т. е. в каком значении фразеологизмы могут употребляться в кашубском диалекте, а также попытка сравнения этих фразеологизмов с их литературными эквивалентами и показание их сходства или различия.

Внутри группы ФЕ с наименованием птицы можно определить следующие сематические разряды:

1) Фразеологизмы, характеризующие физические качества человека: *kur-zi chłop* ‘малый человек’, *miec kark jak gąsior* ‘так говорят о человеке крепкого сложения’, *mō podzi jak bocón* ‘в этом фразеологизме ноги человека сравнены с ногами аиста, значит, они длинные’, *pstri jak kuropatka* ‘человек с веснушчатым лицом’, *miec głowā jak sowa* ‘человек, у которого растрёпанные волосы’, *mō muskle jak wróbel* ‘слабый человек’, *lydki jak u starego jędora* ‘худые’;

2) Фразеологизмы, характеризующие поведение человека: *deptac jak kura* ‘неспокойно стоять’, *naszlapac jak kaczką* ‘загрязнить’, *bocóně fudrowac* ‘рвать’, *kolibac są jak kaczką* ‘качаться’, *plēwie jak ołowianō kaczką* ‘утопать’, *wróbla szēkac* ‘цекотать колено’;

3) Фразеологизмы, характеризующие психические качества человека: *piontō gąs mu braknie*; ‘глупый’, *ni miec wszētczych gąskōw doma* ‘глупый’, *stoi jak opuszczonō gąs* ‘угрюмый’, *zadąsony jak gąsior* ‘хмурый’, *cekawi jak sroka* ‘любопытный’, *dostać gęsiej skórki* ‘бояться’;

4) Фразеологизмы, характеризующие черты характера: *jakbē chto na gąs wodē chlinął* ‘равнодушный, безучастный’, *dosebny jak gąs* ‘жадный’, *prāžēc jak gąsior w karnie* ‘хвастаться’, *nabusznic są jak pawnica* ‘хвастаться’, *miec wikszēgo ptōcha jak bocóna* ‘загордиться’, *wybiyro się jak gapa w ceplē kraje* ‘нерешительный’;

5) Фразеологизмы, характеризующие интеллектуальные качества человека: *miec gari rozēm* ‘глупый’, *miec kaczi rozēm* ‘глупый’, *gadac o bocónach* ‘сочинять’, *gadac o bocónach* ‘сочинять’, *miec wróbla w głowie* ‘неразумный’;

При сравнении этих фразеологизмов с общенародными, можно выделить следующие группы.

1) Фразеологизмы с идентичной по значению структурой: *dostać gęsiej skórki*, *kradnie jak sroka*, *orłem łowić*, *miec wróbla w głowie*;

2) Фразеологизмы содержащие, в сравнении с общенародными, другой по значению компонент: польск. *wygląda jak strach na wróble* – каш. *chodzy jak strōszk na wróble*; польск. *chodźć jak kaczką* – каш. *kolibac są jak kaczką*; польск. *ciekawyy jak słowik* – каш. *cekawi jak sroka*; польск. *piątej klepki mu braknie* – каш. *piontō gąs mu braknie*; ‘глупый’; польск. *cieszyć się jak kaczką na deszcz* – каш. *ceszēc są jak kania na deszcz*; польск. *wybierać się jak sójka za morze* – каш. *wybiyro się jak gapa w ceplē kraje*;

3) Фразеологизмы (по сравнению с общенародными), имеющие добавочный элемент или характеризующиеся отсутствием какого-то: польск. *puszyć się jak paw ogonem* – каш. *nabusznic są jak paw*; польск. *ma mięśnie jak u wróbla* – каш. *mō muskle jak wróbel*;

4) Фразеологизмы с идентичной структурой, но имеющие другое значение, чем общенародные: польск. *gęsie wino* ‘обозначает воду’ а в каш. ‘плодовое вино’;

5) Фразеологизмы, не встречающиеся в общенародном языке: каш. *bocóně fudrowac* ‘рвать’; каш. *mō nos krzēwi jak papuga* и др.;

Фразеологизмы с компонентом птицы отражают наблюдения человека над внешним видом и повадками птиц и передают отношение людей к животному миру, тем самым становятся культурно-информационный фонд в языке. Таким фразеологизмам часто свойственны юмор и житейская мудрость, а также пронищательный здравый смысл. Они отражают образные представления о человеке, его жизни и деятельности, физических, психических и социальных особенностях.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- КУРАЖОВА, И. В. (2007): *Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре*. Иваново.
- BARTWICKA, H. (1992): „Metafory zwierzęce” w języku polskim i rosyjskim. In: J. Wawrzyńczyk (ed.): *Lexicographica Slavica, profesorowi Andrzejowi Bogusławskiemu*. Toruń, s. 7–14.
- CZESAK, A. (1998): Frazeologia gwarowa – problemy i postulaty. In: S. A. Gala (ed): *Teoretyczne, badawcze i dydaktyczne założenia dialektologii*. Łódź, s. 285–293.
- KOZIARA, S. (1996): Symbolika zwierzęca we frazeologii i przysłowia języka polskiego. In: *Ojczyzna Polczyzna. Kwartalnik dla nauczycieli*. N 3, s. 57–61.
- MOSIOŁEK-KŁOSIŃSKA, K., CIESIELSKA, A. (2001): *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- OKONIOWA, J., REICHAN, J., GRABKA, B. (2005): *Słownik gwar polskich*. Kraków 2005.
- RAK, M. (2007): *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrza*. Kraków.
- RODZIEWICZ, B. (2007): *Frazemy komparatywne z komponentem zoonimicznym w języku polskim, rosyjskim i niemieckim*. Szczecin.
- TREDER, J. (2005): *Nazwy ptaków we frazeologii i inne studia z frazeologii i paremiologii polskiej*. Gdańsk.

МАРИНА ГУТОВСКАЯ

Беларусь, Минск

КОНЦЕПТ «РЕЧЕПРОИЗВОДСТВО» В ЯЗЫКОВОМ И НАУЧНОМ СОЗНАНИИ

ABSTRACT:

The paper explicates and characterizes the information about the psychophysiological speech production mechanism accumulated in the semantics of the Russian and English languages. The distinctive features of the Russian and English language pictures of speech production, which are similar in most respects, are pointed out. Speech production notions residing in the language picture of the world are compared with scientific knowledge of the phenomenon; the fields that are beyond the language consciousness are revealed.

KEY WORDS:

Concept – language picture of the world (language consciousness) – speech production mechanism.

В языковой семантике аккумулированы результаты многотысячелетнего познания мира, отражены обиходные, сформированные до возникновения науки и за ее пределами представления языкового коллектива о явлениях и закономерностях окружающего мира. В данной работе предпринята попытка эксплицировать закреплённые в русском и английском языках представления о психофизиологическом механизме производства речи и сопоставить их с научными знаниями об этом явлении.

Внутренние этапы порождения речевого высказывания. Очевидно, что языковому сознанию не чужда мысль о существовании внутренних этапов порождения речевого высказывания, связанных с различными степенями перехода от мысли к звучащей речи и опосредованных внутренней речью.

Представления о разных видах сопровождающей процесс мышления внутренней речи закреплёны в ряде устойчивых оборотов и свободных сочетаний слов. Так, в контекстах *мысленно разговаривать с кем-л.*, *mentally reproduce the question* ‘мысленно повторять вопрос’ внутренняя речь представлена как беззвучное проговаривание, невокализованная речь. Русские же обороты *муки слова*, *трудно найти слова*, связанные с проблемой вербализации нестереотипных идей, и английское выражение *non-verbalized knowledge* ‘невербали-

зованное знание' имплицитно представляют представление о редуцированной внутренней речи, по своей синтаксической и смысловой структуре не совпадающей с внешней речью, о «речи почти без слов» [Выготский 1982: 345].

В рассматриваемых языках также есть устойчивые обороты, соотносящиеся с тремя этапами внутренней речевой деятельности, выделенными в [Лурия 1979: 140]. (1) Этап построения общей схемы высказывания и выделения его основных смысловых компонентов отражен в оборотах *продумывать речь*, *formulate an idea* 'формулировать мысль'. (2) Этап выбора речевых единиц и их комбинирования в последовательные комплексы иллюстрируется оборотами *подбирать нужные выражения*, *word combination* 'сочетание слов'. (3) С этапом озвучивания высказывания связаны сочетания слов *высказывать свои соображения*, *voice thoughts* 'озвучивать мысли'.

Речевая деятельность обеспечивается согласованной работой больших полушарий головного мозга [Pulvermüller, Mohr 1996; Черниговская 2004: 26]. Хотя устройство и деятельность внутренних механизмов речи связаны с психическими процессами и не поддаются внешнему наблюдению, языковое сознание безошибочно связывает работу некоторых из них, например, механизма выбора слов, с функционированием мозга, что подтверждается наличием в русском языке оборотов *забыть*, *вспомнить слово*, *выражение вылетело из головы*, в английском – оборота *slip one's mind* со значением 'выскочить из головы (о слове, выражении)', буквально означающего 'выскользнуть из памяти/ума'.

Однако научные и обиходные воззрения на явления, связанные с продуцированием речи, соотносимы далеко не во всем. Закрепленные в двух языках представления об этапе артикуляции высказывания весьма специфичны и значительно отличаются от научных знаний.

Этап артикуляции. Речевой аппарат. Этап озвучивания речи связан с двигательной активностью речевого аппарата, работой которого руководит головной мозг. Участие тех или иных органов в процессе озвучивания речи очевидно устанавливается на основании факта их движения, определяемого путем непосредственного наблюдения и кинестезических (двигательных) ощущений говорящего. К речевым причисляются те органы, движение которых ощущается/наблюдается при звукопроизводстве: самый подвижный орган речи – язык (*болтать*, *звонить языком*, *wag tongue* 'болтать языком'), губы (*едва шевелить губами*, *read sb's lips* 'читать по губам, по движению губ распознавать то, что говорится тихо или на расстоянии') и напрягающиеся и сужающиеся/расширяющиеся при говорении глотка и горло (*драть горло (глотку)* 'громко говорить, петь и т.п.', *во все горло (глотку) кричать*, *have a frog in one's throat* (досл. 'иметь лягушку в горле') 'говорить сипло, хрипло'). В связи с особенностями звучания отмечено также участие в производстве речевых звуков носовой полости (*говорить в нос*, *speak with a twang* 'гнусавить'), зубов (*говорить сквозь зубы*, *speak through clenched teeth* (досл. 'говорить сквозь стиснутые зубы')) и рта (*каша во рту* 'о невнятном произношении', *big mouth* (досл. 'большой рот') 'болтун').

Русским языковым сознанием не «замечена» значительная часть органов речи: органы дыхания (легкие с бронхами и трахеей), создающие необходимую для образования звуков струю воздуха, а также активные речевые органы (гортань с голосовыми связками, благодаря колебаниям которых создается звук, и небная занавеска с увулой) и пассивные органы речи (твердое небо). В русском языке отсутствуют обороты, относящиеся к образованию звуков речи, которые бы включали в свой состав компоненты *легкие, бронхи, трахея, гортань, голосовые связки, небная занавеска, uvula, твердое небо*.

Английское языковое сознание несколько точнее, чем русское, определяет состав участвующих в порождении речи органов, относя к ним легкие: ср. английские фразеологизмы со значением ‘очень громко говорить, кричать’ с компонентом *lungs* ‘легкие’: *bawl at the top of one’s lungs* (досл. ‘орать во всю силу легких’), *scream one’s lungs out* (досл. ‘выкричать (наружу) легкие’). Впрочем, в связи с порождением речи в русском упоминается вместилище легких – грудь: *надсаживать грудь* ‘громко кричать’, *грудной голос* ‘полнозвучный, глубокий голос’.

Примечательно, что, не замечая существования скрытых от непосредственного наблюдения голосовых складок, языковое сознание все же связывает процесс продуцирование речи с той частью тела, где они расположены – с гортанью, горлом, так как при интенсивном говорении в этом участке отмечается некоторая усталость, дискомфорт (*орать до хрипоты в горле, spare your throat* ‘не дери глотку, не говори так громко’). В русском то же верно и для пары легкие – грудь.

Этап артикуляции. Работа речевого аппарата и управление им.

В соответствии с научными представлениями работой органов речи управляет головной мозг. Этап артикуляции включает в себя ряд промежуточных этапов: (1) построение программы произнесения (высший уровень двигательного управления), (2) сокращение мышц в результате нейростимуляции и (3) движение органов речи, приводящее голосовой тракт в состояние, необходимое для произнесения того или иного речевого звука [Кодзасов 1998: 46].

Присущий языковому сознанию взгляд на процесс озвучивания мыслей, их материализацию в звуке, значительно упрощен и сводится преимущественно к движениям языка, который признается основным инструментом производства речи.

На важность языка как органа, обеспечивающего речепроизводство, указывает существование в русском и английском языках десятков фразеологизмов с компонентом *язык, tongue* ‘язык’, описывающих нормальное говорение и отклонения от нормы. Для продуцирования речи языком совершают различные манипуляции: *языком болтают, плетут, звонят* и т.п. Нарушение речи описывается как сбой в функционировании языка (*язык заплетается, язык отнялся, tongue glued itself to the roof of the mouth* (букв. ‘язык прилип к гортани’)). Обороты с компонентами-названиями других органов речи единичны.

Языковое сознание отмечает, что двигательная активность языка обычно контролируется разумом и волей человека. Однако представления о язы-

ке амбивалентны: язык может представлять как подконтрольный разуму человека инструмент речепроизводства (*держать язык за зубами* (*keep tongue between one's teeth*), *дать волю языку* (*loosen one's tongue*)), и как устройство, способное функционировать независимо от воли говорящего (*язык развязался, с языка сорвалось*).

Общая картина механизма речепроизводства в языковом сознании. Выводы. Итак, в несколько упрощенном виде механизм речепроизводства, как он отображен в русской и английской языковых картинах мира, можно представить следующим образом. Мысль возникает, вербализуется и оформляется в сознании. Далее подходящие для высказывания слова оказываются на языке, волшебным образом материализуются и *с языка сходят* (*roll off the tongue* (букв. 'скатиться с языка')), произносятся в результате его движения (ср.: ситуация, когда не решаются или боятся что-либо сказать, описывается как *язык не ворочается / не поворачивается*, и тогда *слова не идут с неподвижного языка*).

Слова, которые хочется сказать, *просятся на язык*. Это устойчивое выражение является яркой иллюстрацией противостояния желания высказаться (возможно, неподобающим в конкретной ситуации образом) и разума, цензурирующего содержание высказывания и при помощи воли удерживающего от неуместных слов; борьба между желанием сказать и разумом-цензором отражена и в английском обороте *the words had been on his tongue* 'слова уже готовы были сорваться у него с языка'. Иногда желаемые быть сказанными слова могут невольно произвестись – *соскочить* или *сорваться с языка* (случаи потери сознанием контроля над ситуацией и в результате – паралича воли или просто слабой воли).

Анализ фразеологических единиц, относящихся к концептуальному полю «Речепроизводство», показал, что закрепленные в русском и английском языках представления об этом явлении во многом соотносимы. Однако существуют и различия в аккумулированных в двух языках знаниях. В частности, англоязычное сознание точнее, чем русскоязычное, определяет состав речевых органов. В этом смысле можно сказать, что представления о речевом аппарате, закрепленные в английском языке, не так наивны, как русские, и несколько ближе к научным.

Научные и житейские знания о продуцировании речи не во всем совпадают. К примеру, в соответствии с народными представлениями язык считается основным органом, обеспечивающим порождение речевых звуков. Такое суждение противоречит научным знаниям. Язык, как известно, лишь модифицирует звук, образуемый в результате вибрации голосовых связок.

В сфере речепроизводства есть явления, не доступные языковому сознанию для восприятия. Так, лингвистика языка не объясняет процесс превращения внутренней речи (отобранных и скомбинированных в последовательные комплексы слов) во внешнюю речь, представляя произнесение как *схождение с языка* чудесным образом воплотившихся в звуковую форму слов. И это не удивительно. Ведь даже в лингвистике профессиональной, вооруженной спе-

циальными методами и приборами, проблема порождения речи и функционирования речевых механизмов не до конца изучена и продолжает оставаться одной из актуальных проблем.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- PULVERMÜLLER, F., Mohr, B. (1996): The concept of Transcortical cell assemblies: A key to the understanding of cortical lateralization and interhemispheric interaction. In: *Neuroscience and biobehavioral reviews*. Vol. 20, p. 557–566.
- ВЫГОТСКИЙ, Л. С. (1982): Мышление и речь. In: Л. С. Выготский; *Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2.* М., с. 5–361.
- КОДЗАСОВ, С. В. (1998): Артикуляция. In: В. Н. Ярцева et al. (ред.): *Большой энциклопедический словарь «Языкознание»*. М., с. 46–47.
- ЛУРИЯ, А. Р. (1979): *Язык и сознание*. М.
- ЧЕРНИГОВСКАЯ, Т. В.(2004): Мозг и язык: полтора века исследований. In: Л. А. Вербицкая et al. (ред.): *Теоретические проблемы языкознания*. СПб., с. 16–34.

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА ДЕМЕШКИНА

Россия, Томск

СТАНДАРТ И НОНСТАНДАРТ В ДИАЛЕКТЕ

ABSTRACT:

In the article the world conceptualization ways of the modern Siberian country people are being analyzed. The linguistic patterns are being discovered which are common for those of literary language (standart) and patterns which reflect the specific world view of Siberian peasant (nonstandart). The analysis field involves direct and derivative ambient reality nominations. The image vocabulary, idioms and set expressions are regarded more detailed.

KEY WORDS:

World patterning – semantics – dialect – concept – metaphor – personality.

В недрах диалектологии, развивавшейся ранее и развивающейся сегодня преимущественно в рамках описательного направления, накоплен, вместе с тем, богатейший материал, дающий возможность когнитивного и лингвокультурологического изучения русской речи. Обращенность к обыденному языковому сознанию при сборе материала и его описании, антропоцентризм, функционализм всегда являлись базовыми принципами для исследователей диалекта.

Анализ ключевых концептов диалектной культуры показал, что они имеют отличия от аналогичных концептов, выявленных на материале литературного языка. Эти отличия касаются степени разработанности концептов, разной их структурированности, отражающей архаичность, макрокосмичность, мифологичность, эгоцентризм сознания носителей диалекта при восприятии и осмыслении окружающего мира. Преимуществом когнитивной диалектологии является обращенность к реальной коммуникации, отражающей современные социокультурные процессы.

Проанализируем концепт *женщина* в диалектной культуре. В качестве источника использованы данные среднеобских говоров. Анализ номинаций, отражающих обыденное (стереотипное) представление о женщине в крестьянском сознании, проводится с учетом оппозиций женщина / мужчина, а также на

основе сопоставления этих номинаций с литературным языком. Такой аспект анализа позволит выявить языковые единицы, выполняющие роль культурных знаков – стереотипов, эталонов крестьянского мировидения и очертить зону нонстандарта, интерпретируемого как несовпадение стереотипов и эталонов, фиксируемых разными вариантами национального языка

В диалекте функционирует три лексические единицы для обозначения женщины вообще: *женска* (59 употреблений), *баба* (90 употреблений), *женщина* / *женчина* (227). В отличие от литературного языка, в лексической семантике слова «баба» не содержится аксиологической направленности: *Пять-шесть баб борону таскали (в войну) и боронили*. Пренебрежительное отношение передается вариантами: *Бабёнишка, бабёшка, бабёнишка*. Оценочная семантика производных *бабёнка* и *бабочка* характеризуется амбивалентностью: *Она така открытая бабенка; Эта бабочка пьет да курит. Вот жись!*». Лексемы *женщина*, *баба* отличаются разными способами вхождения в диалектный контекст. *Женщина* обычно используется для обозначения незнакомого человека из другой сферы, чуждой говорящему, в совокупности с неопределенными местоимениями и частицами, маркирующими категорию чуждости (*кака-то, одна*): *А у его есь, он... кака-то женщины там-ка с ребенком тоже, дружит; Я хотела, просила одну женщину, штукатур ..., мастер*.

Лексема *баба* в разных своих значениях имеет большое количество определений, что свидетельствует о большей степени ее освоенности в говоре. Отметим, что *баба* в значении «замужняя женщина» не является устаревшим в диалекте, в отличие от литературного языка. На базе прямых значений лексемы *баба* функционируют метафоры, моделирующие утилитарную сферу (орудия труда, изделия и т.д.): *Баба-рогатая* – «изделие из сдобного теста», *баба* – деревянный треножник, подставка «вороб» (приспособление для наматывания пряжи. *Бабка* – это а) наковаленка для отбоя кос, б) сустав ноги у человека и животных, в) деревянный брусок, вставляемый вертикально в днище плота для перевозки дров. Если хозяйственная сфера моделируется с учетом внешних признаков, не попадающих в зону оценки, то природный мир осмысливается на основе отрицательных морально-этических свойств, традиционно приписываемых женщине. В метафорах отражено представление о женщине как о существе, излишне болтливом (*бабы сплетни, бабий язык*), склонном к обману, ненадежном (*Вешний лёд – весенний, дряблый такой, обманчивый, как женщина: на него ступить нельзя*).

Реализация базовой оппозиции мужское / женское в диалекте детерминруется типом архаической культуры, в которой доминирует идея порядка, нормы, выполняющей «поддерживающую» функцию. Актуализация гендерных признаков зависит также и от сферы описания человеческого бытия (физической, интеллектуальной, этической, социальной). В целом ряде случаев члены оппозиции нейтрализуются, актуализированной оказывается сема «человек». Так, основой крестьянского существования является физический труд, поэтому идеалом является физически сильный, здоровый человек, что отражено в устойчивых сравнениях, фиксирующих силу мужчины: *как бык, как конь*,

фразеологизм *кряж кряжом*. И здоровые были как кони. А он такой: *сроду не состонет, работает, как конь, и не состонет*. Одобрительно оцениваются те женщины, которые могут сравниться по физической силе с мужчинами: *Она как мужик (работает)*. *Сильно она молодец!*

Внешность женщины оценивается с позиций способности к физическому труду. В понятие красоты как неперенный атрибут включается физическое здоровье: *В твои-то годы я была как кровь с молоком*. В диалектной коммуникации не актуализуются смыслы, отражающие христианизированное восприятие женщины как существа, зависимого от мужчины, его «части». Доминирующим оказывается идеал физически развитой, здоровой женщины, которая не уступает в работе мужчине.

Мерилом нравственных качеств человека является в крестьянском сознании отношение к труду. Не маркируются в гендерном отношении единицы:

- а) Обозначающие отношение к труду: *белоручка, лоботряс, сушить задницу, валять дурака, на березе калачи искать, калачики висятся, не шьёт, не порет: Есть люди – ищут калачи на берёзе*.
- б) Качества речи. Независимо от того, кто является субъектом речи, осуждается речь громкая (*греметь*), торопливая (*трепотка*), невнятная (*бормота, бубнить*), многословная (*балаболка*), необдуманная (*брякнуть*).
- в) Отношение к образованию: *Грамотна бы я была, дак я бы почитала или еще что, чурка да чурка с глазами*.
- г) Энергичность характера, ум, сообразительность: (*ветровая, вертоголовый, бедовый*).

В диалектной коммуникации не поддержаны дискурсивно представления о женской кротости, смирении, восходящих к христианской культуре.

Существование женщины в традиционной культуре осмысливается в связи с идеей порядка и беспорядка, восходящей к более общей дихотомии нормы / антинормы. Идея порядка реализована в утилитарной сфере, связанной с порядком в доме, неперенным атрибутом которого является чистота, аккуратность. Отражение идеального представления человека об устройстве своего ближнего пространства актуализовано в мотивированных существительных с прозрачной внутренней формой (*чистотка, аккуратистка*) и в сочетаниях прилагательного и существительного: *«Она чистоплотненька бабочка»*. Утилитарная сфера описывается преимущественно через положительно маркированные единицы. Фразеологизмы *хвост трубой, задрать хвост* фиксируют отклонение в поведении в сфере моральной этики: *Муж со двора, а она – хвост задрала*. Исследователи склонны усматривать в этом осколки «теремной культуры» времен «Домостроя», отстраняющей женщину как личность от общества и делающей принадлежностью только домашнего мира, главой которого являлся мужчина [Телия 1996: 264]. Думается, что это утверждение для диалектной культуры является верным лишь отчасти, поскольку в представление о порядке входит в том числе и распределение обязанностей, что подтверждает актуализация смысла «уйти из дому не по делу».

Этическая сфера, в отличие от утилитарной, в полном объеме репрезентируется в диалекте через обращение к антинорме. Дискурсивно отмеченным оказывается отрицательный полюс оценки женских свойств и качеств. Особенно ярко это проявляется в сфере сексуальных отношений, наиболее жестко диктующих нормы именно женского поведения в отличие от мужского. Идея беспорядка получает пространственное наполнение, связанное с концептами воли, пути. Вывод, сделанный Л. Г. Гынгазовой применительно к языку одной диалектной личности о том, что «в языковом сознании ЯЛ воля как положительно окрашенное чувство свободы, простора, приволья не актуализируется, с пространством связывается только воля-вседозволенность, устойчиво получающая отрицательную коннотацию» [Гынгазова 2006: 226–227], является справедливым по отношению ко всему диалекту в целом. Акцентируем внимание на том, что во всех контекстах, где в семантике лексемы *вольный* актуализируется смысл «нарушающий нравственные нормы», в зону отрицательной оценки помещаются женщины. См. фразеологизмы: *Волю взять, волей заняться, волей взяться*. Идея нравственного беспорядка, хаоса реализована через актуализацию семантики кручения, верчения, создающих кривизну прямоугольного пространства и нарушающих тем самым порядок. В семантике вторичных номинаций реализуется идея замкнутого круга, кружения, нерезультативного движения: *крутить пуговицы, закрутить голову, вертеть хвостом, верти-хвостка, окрутить, мотаться, путать (опутать), путаться, трепаться*. Приведенные примеры подтверждают вывод, что «моделирующая функция КРИВОГО, КРУЧЕНИЯ и ДВИЖЕНИЯ в языковом нонстандарте (прежде всего в жаргонах) весьма актуальна и продуктивна. Постоянная активизация этих категорий в нонстандарте является инструментом языковой (культурной) памяти...» [Лейвен-Турновцова Й. Ван 2000: 136].

Подводя итог, отметим, что гендерная асимметрия в диалекте выражена в меньшей степени, чем в литературном языке, ее выражение зависит также от сферы описания. Нейтрализация признаков по полу происходит при описании утилитарной сферы, наиболее ярко противопоставление по половому признаку проявляется в этической сфере, где «вольное» поведение женщины оценивается однозначно отрицательно. Портрет идеальной женщины выстраивается в диалекте в соответствии с иерархией ценностей, существующих в традиционной культуре, эти нормы являются обязательными для социума в целом, независимо от принадлежности к полу.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ГЫНГАЗОВА, Л. Г. (2006): О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры. In: Т. А. Демешкина (отв. ред.): *Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека*. Томск: Томский государственный университет, с. 220–229.
- ЛЕЙВЕН-ТУРНОВЦЕВА Й. Ван. (2000): Панстратические и пантопические аспекты семантизации отклонений от нормы в стандарте и нонстандарте европейских языков In: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.): *Логический анализ языка: Языки этики*. М.: Языки русской культуры. С. 134–148.
- БЛИНОВА, О. И. (ред.): *Словарь образных слов и выражений народного говора*. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001, 312 с.
- ТЕЛИЯ В. Н. (1996): *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: «Языки русской культуры», 288 с.

ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА КОРОЛЁВА

Латвия, Даугавпилс

ДИАЛЕКТНЫЕ ВАРИАНТЫ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ СТАРООБРЯДЦЕВ ЛАТГАЛИИ)

ABSTRACT:

In the article “The Variants of Idioms in Russian Dialects” reasons of variability of idioms are analyzed. The author takes the Old-Believers’ dialects in Latgalia (the south-east part of Latvia) as material of research. Some variants are caused by incorrect understanding of literary idioms. The others may be explained by oral form of dialectal language when idioms lose main words in their structure. A talker frequently plays upon words and makes new idioms leaning upon well known models.

KEY WORDS:

Variants – nonstandard – dialects – Old-Believers – occasionalisms – reasons – literary idiom – borrowing – play upon words – models – oral form.

Народные говоры свободны от жестких языковых норм, речевой узус определяет их функционирование. Если стандартом для книжного языка является норма, одним из релевантных признаков которой служит кодификация, то для диалектного языка стандартом следует признать саму языковую норму. Свойством же языковой нормы является вариативность. И в этом смысле наблюдается несовпадение с литературным языком, где допустимые вариативные формы всегда имеют функциональную обусловленность, иначе они попадают в поле нестандартных явлений. Этим отчасти определяется необычайно широкий диапазон языкового варьирования в диалекте. Изучение различий в происхождении и функционировании диалектных вариантов фразеологизмов – плодотворный путь исследования, занимающегося осмыслением соотношения стандарта и нестандартного в русской диалектной фразеологии. Если в говорах стандарт – это языковая норма, то всё, что допускается русским общенациональным языком, должно считаться стандартом в диалекте. Именно поэтому многие диалектологи предпочитают вообще говорить об отсутствии нормы в общепринятом смысле в диалекте. Если исходить из указанных прин-

ципов, то получается, что в диалектном языке вообще отсутствует нестандарт. Однако это, по-видимому, не совсем так. С точки зрения речевого узуса, окказиональные явления следует признать таковыми и для литературного языка, и для диалекта, равно как и случаи неправильного усвоения книжной фразеологии носителями диалектов и даже просто усвоение чужих единиц из соседних диалектов, других подсистем некодифицированного языка или заимствования, если говор, как наши говоры, оказывается в иноязычном окружении. Ведь прежде чем стать стандартным явлением в речевом узусе, заимствования переживают период единичного индивидуального употребления, только «историческая случайность» определяет их судьбу.

Диалектный язык существует только в устной форме, это еще одна причина порождения огромного количества трансформаций. Такую же ситуацию мы наблюдаем в устном народном творчестве и древнерусских рукописных источниках, где каждый жанр представлен большим числом вариантов. Таким образом, существуют междиалектные варианты фразеологизмов, обусловленные устной формой существования диалекта, линейным развитием речи. Например, фразеологизм *зарубить себе на носу* зафиксирован нами в форме *нарубить на лбу*. Приблизительное знание диалектных фразеологизмов может порождать собственные ассоциативные фразеологические конструкции в идиостиле диалектоносителя: *без боба оставишись* ‘остаться на бобах, без денег’.

Некоторые фразеологизмы значительно трансформируются, попадая из книжного литературного языка в диалектный язык. Это может быть вызвано непониманием значения каких-то слов и стремлением сделать немотивированные слова фразеологизмов мотивированными. Например, диалектный фразеологизм *ненавидеть всеми жабрами* в соответствии с литературным *ненавидеть всеми фибрами души* закрепился в диалектном языке староверов Латгалии именно в таком виде или в варианте, включающем в свой состав для усиления экспрессии рифму *ненавидеть всеми жабрами-вобрами*. Такой же случай может быть и с просторечным фразеологизмом, например, фразеологизм *попала шлея под хвост* имеет в просторечии вариант *попала вожжа под хвост*, который, видимо, по фонетическим причинам в говоре трансформируется во *вша под хвост* ‘о капризном, взбалмошном поведении’: *Ну, если ему вша под хвост – всё*. Иногда встречаются междиалектные варианты, они обусловлены тем, что в соседних говорах фразеологизм звучит совсем иначе в силу своей диалектной специфики: *рукавы спустя / рукава спутивши* ‘ничего не делая’.

При усвоении книжной фразеологии может наблюдаться фонетическая замена церковнославянизма с неполногласием генетическим восточнославянским вариантом с полногласием: *он тут работал с молодых ногтей – лёгкий песок ему!* В данном случае *лёгкий песок ему!* является калькой с латышского языка, в результате усвоения этого латышского оборота в говоре сосуществуют два варианта: *лёгкий песок ему!* и *пусть земля ему будет пухом!* При этом *лёгкий песок ему!* используется как окказионализм, значение его всем понят-

но, но используют его пока в единичных случаях, обрядовая сфера обнаруживает в говорах, по нашим наблюдениям, наилучшую сохранность.

Может наблюдаться и стремление приспособить незнакомые реалии к своей местности: *разбираться как свинья в апельсинах* зафиксировано в форме *разбираться как свинья в яблоках*. На основе образа манны небесной по ассоциации с литературным *ждать как манны небесной* возникает серия фразеологизмов. Заметим, кстати, что библейская манна – «это пища, которую Бог каждое утро посылал евреям в пустыне, когда они шли в землю обетованную. Это семена какого-то растения, которые очень легки и переносятся на большие расстояния. Кочевники собирают эти семена, делают из них муку и пекут хлеб» [Фелицына, Мокиено 2005: 191]. При переосмыслении манны небесной как манной крупы, в результате словообразовательного процесса универбации происходит трансформация словосочетания в однословное наименование *манночка*, при этом *манночка* может оказаться в пресуппозиции и утратиться: *С неба манночка навалится. / С неба манночка повалится. / С неба манночка посыпется. / С неба сыпется. Думали, что с неба манночка навалится. Думали, что с неба манночка повалится. Думали, с неба манночка посыпется им, сами шли. А тебе что, туго показалось, а ты думаешь, в меня с неба сыплется.*

Серия фразеологических вариантов *к бабке не ходи / к бабушке не ходи / к гадалке не ходи / и к гадалке не ходи / и к цыганке ходить не надо / и к попу не ходи / к попу ходить не надо / никуда не ходи* ‘совершенно ясно и так, ясно как белый день’ отражает такие способы гадания, когда ходят к гадалке или цыганке, или бабушке-знахарке, или бабке-ворожее. Интересно, что в качестве медиатора предстает и поп. Староверы, проживающие на территории Латгалии, относятся к беспоповцам, то есть они не признают священства, поэтому поп принадлежит к категории чужих и в этом смысле вполне естественно попадает в эту «компанию». Последний фразеологизм, как бы подводит итог всем вариантам, представляя собой итог, обобщение и может быть отнесен к фразеологизму только на фоне всех остальных вариантов.

Сфера прецедентных явлений может быть представлена пушкинским *разбитым корытом*, образ которого отразился в конструкции *корыто разваленное* ‘всё испорчено’. *Водопровод делают – кого ж там – корыто разваленное!* В разговорной речи носителей литературного языка *разбитое* уходит в пресуппозицию: *Опять вернуться к этому корыту?* Фразеологизм *сарафанное радио* в наших говорах функционирует в виде *сарафанное бюро* или в результате утраты второго компонента принимает вид однословной единицы *сарафанное*, которую, несмотря на однословный характер, следует признать фразеологизмом, поскольку она сохраняет идиоматичность и нагруженность смыслами исходного варианта: *Ира позвонила Евдокимову, а он жа сарафанное бюро. Сарафанное что принесёт, так токо то я и знаю.* Возникает вопрос, почему самое главное слово во фразеологизме подвергается эллипсису и в диалектной речи, и в разговорной речи носителей литературного языка? Пресуппозиция – это область знания, а коли так, именно самый важный компонент, как хо-

рошо известный подвергается закономерной для устной речи утрате. Это может создавать омонимию, которая, правда, снимается в речи контекстом: так, вместо *положить в долгий ящик* звучит *положить в ящик*: *Какая проблема хоть решим, а не положим в ящик* (разговор по мобильнику), а фразеологизм *положить в ящик* имеет значение ‘умереть’: *Ну, это разойдётся* (большое колено)! – *Да, када положат в ящик*. Многие факты нонстандарта с точки зрения книжного языка в диалектном языке таковыми не являются. Таким образом, одни и те же языковые явления получают разный статус для носителя литературного языка и для носителя говора. В некоторых случаях наблюдается противоположная тенденция, заключающаяся в расширении состава фразеологизма за счет введения дополнительных лексем. Это характерно для фразеологизмов, отличающихся высокой частотностью употребления и объясняется, на наш взгляд, стремлением освежить фразеологизм со стершейся образностью введением дополнительных образов. Так, *труба* в значении ‘конец’, появившаяся на основе фразеологизма *вылететь в трубу*, приобретает вид стандартного фразеологизма *труба с дымом*, а *выголить глаза* ‘вытаращить глаза’ в расширенном варианте приобретает форму *выголить глаза колесом*; *наболтать*, *набрехать*, *намолоть мех и торбу* ‘много рассказать’ имеет расширенный вариант *наболтать мех и торбу и маленький мешечек*. Собственно, это по сути дела прием языковой игры, столь характерный для разговорной речи. По принципу языковой аттракции создается еще один фразеологизм с такой же семантикой: *набрехать и избу и байню*.

Принцип неизменности формы фразеологизма, релевантный для литературного языка, в диалектном языке явно не соблюдается: *денег куры не клюют* отмечается в форме *денег было курам не склевать*. Устной формой объясняются и неточности речи: *своим ушам видеть*. *Всё своим ушам видел* и не совсем оправданные замены компонентов: *с чего ни с сего* ‘ни с того ни с сего’. По сравнению с преобразованиями фразеологии в разговорной речи литературного языка в говорах варьирование имеет качественно иной характер. Наблюдается противоречие между стремлением к устойчивости, диктуемым фразеологией, и расшатывающей эту устойчивость вариативностью, присущей диалектному языку, являющемуся системой систем. Широкая вариативность, присущая фразеологизмам в говорах, отражает стремление к сохранению образности, поэтому в большей степени варьированию подлежат грамматические средства, а лексические сохраняются в том случае, если именно на них основывается образность. Существенно и то, что диалектный язык представляет собой пробное поле, где в полной мере проявляются творческие способности говорящей личности. Например: в литературном языке существует фразеологизм *пальцем о палец не ударить* ‘совершенно ничего не делать’. В говорах староверов Латгалии варьируется и глагол (*ударить стукнуть, ляпнуть* – при этом он может утрачиваться), и существительное (*палец, пальчик*), и синтаксическая структура: вместо начальной синтаксемы творительного с орудийным значением употребляется именительный падеж. Кроме того, эта конструкция приобретает положительное значение, т.е. наблюда-

ется обыгрывание фразеологизма, он получает антонимическое значение *палец о палец стукнуть* 'работать': *Практически все, кто палец о палец хочет стукнуть, они все находят работу.*

Иногда в качестве стандарта выступает синтаксическая структура, но в этом случае мы имеем дело не с фразеологическими вариантами, а с фразеологическими синонимами, поскольку они имеют общую сему, но отличаются семантикой и референтной соотнесенностью. *Под один лад* 'на один мотив'; *под один стяг* 'одного цвета'; *под один шаблон* 'об одинаковом лечении'; *под одну масть* 'об одинаковой мебели'.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ФЕЛИЦИНА, В. П., МОКИЕНКО, В. М. (2005): *Фразеологический словарь для школьников*. «Норинт», Спб.

Виктория Кузина

Латвия, Рига

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКО- ЛАТЫШСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

ABSTRACT:

Mutual interaction of languages may occur in the process of their historical development on all linguistic levels: lexical and semantic, phraselogical, phonetic, morphological, syntactic and stylistic. In this context special interest is aroused by the phrase logical level in the hierarchy of the levels of the language system, since phraseologisms are bestowed with more complex lexical, grammatical and national structure. The analysis of phraseology in the Russian and Latvian languages demonstrate full and partial coincidence of meanings, figurative basis and lexical structure of a great number of phraseological units. Both in the Russian and Latvian languages a special group of phraseological units is constituted by phraseologisms from antique literature and the Bible. The comparative analysis of Russian and Latvian (as well as German and Latvian) phraseological analogies gives us the opportunity of revealing some aspects of language contacts, pursue the specific manifestation of this phenomenon in the realm of phraseology.

KEY WORDS:

Russian – Latvian phraseological parallels – comparative studying of phraseological units – school practice.

Взаимодействие языков может осуществляться в процессе их исторического развития на всех лингвистических уровнях: лексико-семантическом, фразеологическом, фонетическом, морфологическом, синтаксическом и стилистическом. В этом плане особый интерес представляет фразеологический уровень в иерархии уровней языковой системы, так как фразеологизмы обладают более сложной лексико-грамматической и смысловой структурой.

В данной работе исследование русско-латышских языковых контактов проводилось на материале фразеологии этих близкородственных языков в сопоставительном плане, так как сопоставление показывает не только сходство и отличие, но и результаты языковых **контактов**, взаимодействия, взаимного обогащения языков. Такие исследования имеют значение **как в практике** составления двуязычных словарей, в переводческой **деятельности**, так и в методике преподавания иностранных языков.

В школьной практике Латвии сопоставление применяется не только для устранения интерференции родного языка, но и в плане транспозиции – в случаях полного совпадения явлений двух языков – русского и латышского. При изучении близкородственных языков большое значение придается процедуре отождествления похожих лексических, фразеологических и др. единиц. Как показывают данные исследований русско-латышских языковых контактов в сфере лексики [1], в русском и латышском языках имеется свыше 1600 общих слов, охватывающих чуть ли не все сферы человеческой жизни, и это свидетельствует об общности и родственности русского и латышского языков.

В процессе обучения иностранным языкам особое место отводится изучению фразеологизмов, ввиду того, что «одним из основных критериев фразеологичности является критерий дословной непереводимости фразеологизмов на другие языки» [2, 345]. Без освоения достаточного количества фразеологизмов невозможно правильное понимание и свободное общение на иностранном языке. Владение фразеологией позволяет познать народы, их истории и культуры, способствует диалогу культур и тем самым толерантности в обществе.

При отсутствии фундаментальных исследований русско-латышских языковых контактов в сфере фразеологии учителю приходится самостоятельно решать эту задачу на основе некоторых работ в области сопоставительной фразеологии этих языков [3, 192–201]. Попыткой синхронного сопоставительного описания фразеологизмов русского и латышского языков является и данная работа, опирающаяся на исследования двуязычных фразеологических словарей, учебных пособий по русскому языку для 10–12 классов латышских школ, учебных пособий по латышскому языку для 10–12 классов русских школ, художественной литературы на обоих языках. Необходимо отметить, что в фразеологические словари, учебные пособия включены в основном общеупотребительные фразеологизмы, которые часто встречаются при чтении художественной литературы, публицистики и в живой речи. В данном материале встречается большое количество фразеологических сравнений, которые в русском и латышском языках (возможно и в других языках) имеют свои особенности. Фразеологические единицы (в нашем исследовании их свыше 1000 идиом) были проанализированы с точки зрения их соотносимости или эквивалентности. На основе классификации фразеологизмов, данной в книге С. Влахова и С. Флорина [4], нами были выделены следующие группы:

1. *полные эквиваленты* (они составляют 27,4 %), например, делать из мухи слона – taisīt no mušas ziloni, бросать тень – mest ēnu, красный как рак – sarkans kā vēzis, земля горит под ногами – zeme deg zem kājām, агнец божий – dieva jērs, око за око – aci pret aci, голубь мира – miera balodis, перст божий – dieva pirksts, перст судьбы – likteņa pirksts, открыть Америку – atklāt Ameriku, каша в голове – putra galvā и другие;
2. *частичные эквиваленты* (45,3 %), которые имеют одинаковую или другую образность при неизменной структуре и различное лексико-грамматическое оформление, например, как корова на льду – kā pīle (утка) uz ledus, волком выть – kaukt kā sunim (собака), сухой как вобла – izkaltis kā asaka (рыбная

кость), зарыть талант в землю – aprakt savu (свой) talantu, земля обетованная – apsolītā zeme (обещанная земля), каинова печать – Kaina zīme (знак), как собака на сене – kā suns uz siena kaudzes (стор), пожать плечами – paraustīt (подёргать) plecus, тьма кромешная – tumšs kā peklē (темно как в аду), чудеса в решете – debesu (небесные) brīnumi; zili (голубые) brīnumi и другие;

3. *фразеологические аналоги* (23,9 %), которые различаются по образности и синтаксической структуре, например, врёт как сивый мерин – melo, ka aulis kust (врёт, что даже уши шевелятся), смыслить как свинья в апельсинах – saprast tik, cik cūka no saules, svētdienas (понять столько, сколько свинья в солнце, в воскресенье), вавилонское столпотворение – sajukums kā pie Bābeles torņa (всё смешано, как у Вавилонской башни), это ещё вилами по воде писано – tas ir vēl zara galā (это ещё в конце сука), tas vēl zvaigznēs rakstīts (это в звёздах писано) и другие;
4. *безэквивалентные фразеологизмы* (3,4 %), например, при царе Горохе – sense nos laikos, кричать на всю Ивановскую – kliegt pilnā rīklē (в полное горло), бедный Макарь – nelaimīgs putns (птица несчастья), как на Маланину свадьбу наварить – pievārīt, piecept kā uz kāzām (наварить/напечь как на свадьбу), каши маслом не испортишь – labs laba nemaita (хороший хорошего не испортит), мало каши ел (разг.) – vēl mātes piens aiz lūpām (ещё материнское молоко за губами), перебиваться с хлеба на квас / на воду (прост.) – dzīvot no rokas mutē, тёртый калач (разг.) – rūdīts, slīpēts zellis (хитрый парень), как сыр в масле – dzīvo kā niere taukos (живёт как почка в жире), горячий на руку (прост.) – karstas putras strēbējs (кушающий горячую кашу), бить баклуши (разг.) – slinkumu lāpīt (бездельничать) и другие.

Как показывают эти статистические данные, самой многочисленной группой являются частичные эквиваленты. Именно в этой группе при обучении русскому или латышскому языку как иностранному наблюдается значительное количество ошибок, связанных с дословным переводом родного языка и особенностями национального мышления. Самую малочисленную группу составляют безэквивалентные фразеологизмы, которые особенно ярко демонстрируют специфические особенности национального языка и на другой язык переводятся описательно. Как отмечает крупнейший специалист по фразеологии В. М. Мокиенко, малочисленность этих фразеологизмов свидетельствует о том, что по сравнению с лексикой фразеологизмы менее национальны, то есть среди них наблюдается большое количество интернационализмов.

Полные, а также частичные эквиваленты являются ярким выражением интернационального в русском и латышском языках. К интернационализмам [5] относятся фразеологические единицы, восходящие к общему для европейских народов культурно – историческому источнику – Библии и античным мифам и обладающие общей семантикой. Тожественными часто оказываются античные обороты (например, троянский конь – Trojas zirgs, гомерический смех – Homēra smiekli, Ахиллесова пята – Ahilleja papēdis), а также многие фразеологические библеизмы [6, 355], например, запретный плод – aizliegtais auglis, золотой телец – zelta teļš, манна небесная – debess manna. В этих груп-

пах можно обнаружить фразеологические элементы, которые возникли на основе мировой культуры и литературы, а также на основе сходных экономических и культурных условий в Европе, например, это бьёт по карману – *tas cērt makā* (это рубит в кошелёк), китайская стена – *Ķīnas mūris*, китайская азбука – *Ķīnas ābece*, слуга двух господ – *divu kungu kalps*, бороться с ветряными мельницами – *cīnities ar vējdzirnavām*. Некоторые русские и латышские фразеологизмы калькированы из других языков, например, голубая кровь (из французского) – *zilās asinis*, шито белыми нитками (из французского и испанского) – *šūts baltiem diegiem* и другие. Эти калькированные или полукалькированные фразеологизмы имеют более всего сходств в разных европейских языках. Конечно, не всегда легко определить, в котором из языков возникло данное выражение и каким образом оно стало употребляться в другом языке.

В группах полных и частичных эквивалентов имеются идентичные фразеологизмы, которые возникли в разных языках на основе общности логических и образно – ассоциативных процессов мышления различных народов [7, 400]. К ним относятся и межъязыковые параллельные фразеологизмы, возникшие на основе сравнения человека, его свойств, реакции с поведением животного мира [8], например, живет как кошка с собакой – *dzīvo kā kaķis ar suni*, лает как пёс на луну – *rej kā suns uz mēnesi*, облизывается как кот – *laizās kā kaķis* и другие. Примеры на полное или частичное совпадение фразеологизмов русского и латышского языков многочисленны. Интересным является тот факт, что существуют фразеологизмы, в которых употребляется не то же самое животное в русском и латышском языках, например, носится как курица с яйцом – *nēsā kā kaķe* (кошка) *kaķēnus* (котят), работать как вол – *strādāt kā zirgam* (лошадь) и другие.

Проведенное нами исследование показывает, что в русском и латышском языках фразеологические единицы имеют в основном сходную образность, лексическую и синтаксическую структуру. Сопоставительное изучение фразеологизмов этих языков дает возможность выявить некоторые аспекты языковых контактов, проследить их специфическое отражение в сфере фразеологии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. ИГНАТЬЕВ, Б., ЛОСЕВ, А. (1988): Русско-латышская языковая и историческая общность как объект школьного обучения. In: *Опора на родной язык учащихся в обучении русского языка*. Рига. ДАУГАТС, Э. Ю., ИВШИН, В. Д. (1981): Из истории вопроса о взаимодействии латышского и русского языков. In: *Языковые контакты в аспекте культуры языка*. Рига. СЕМЁНОВА, М. Ф. (1994): *Сопоставительная грамматика русского и латышского языков*. Рига.
2. ПАСТУХОВИЧ, Е. Ф. (2002): Об использовании фразеологизмов в процессе обучения чешскому языку, их интернациональный и национальный характер. In: *Rossica Olomucensia XL (Za rok 2001) 2. část*. Olomouc, с. 345.
3. ПАВЛОВСКАЯ, Л., КРАСЮК, В. (2001): Формирование бикультурной компетенции с помощью фразеологизмов при обучении русскому языку как иностранному. In: *Valodu apguve: Problēmas un perspektīva*. Zin. rakstu krāj., Liepāja, с. 192–201.
4. ВЛАХОВ, С., ФЛОРИН, С. (1986): *Непереводимые в переводе*. М.
5. МОКИЕНКО, В. М. (1986): *Образы русской речи*. Л., с. 23.
6. ПАВЛОВСКАЯ, Л., Красюк, В. (2002): Библиейские фразеологизмы в русском и латышском языках. In: *Rossica Olomucensia XL (Za rok 2001) 2. část*. Olomouc, с. 355.
7. ЧИЛЛА, Ф. (2002): К проблеме определения источника некоторых фразеологизмов русского языка. In: *Rossica Olomucensia XL (Za rok 2001) 2. část*. Olomouc, с. 400.
8. КУЗИНА, В. (2008): *Сопоставительный анализ фразеологизмов русского и латышского языков*. Гданьск.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА ЛЕВЧЕНКО

Украина, Львов

ДИНАМИКА КОМПАРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ (на материале русского, белорусского, болгарского, польского и украинского языков)

ABSTRACT:

Methods which are being used in contemporary linguistics for the investigation of comparative strategies are analyzed in the reseated; in particular an attempt was made to find out the relevance of the result, achieved with the help of psycholinguistic experiments and their interpretation. The result of psycholinguistic experiments, phraseographical sources and examples of contextual usage of comparisons in Ukrainian, Russian, Byelorussian, Bulgarian and Polish languages are involved in the analysis.

KEY WORDS:

Conceptual picture of the world – language picture of the world – comparison – comparative strategy – associative reaction – concept – prototype – attribute.

Концептуальная и языковая картины мира, эксплицируемые, в частности, сравнительными стратегиями, являются объектом пристального внимания различных научных школ [Серебренников 1988; Залевская 2001; Маслова 2001; Bartmiński 1988; Keesing 1994; Fleischer 2003 и др.]. Образ мира, в терминологии А. Залевской, или концептуальную картину мира считают более богатой по сравнению с языковой картиной мира. Однако, несмотря на все различия между концептуальной и языковой картинами мира, не следует говорить об отсутствии какой-либо связи между ними или о невозможности исследования концептуальной картины мира через ее рефлексy в языковой картине мира. Помимо содержательных отличий между концептуальной и языковой картиной мира, исследователи отмечают и функциональные отличия. Одной из методик выявления связей между единицами концептуального уровня является психолингвистический эксперимент (социолингвистический мониторинг, в терминологии К. Мизина). До сих пор нерешенной остается проблема создания методик проведения психолингвистических экспериментов и анализа полученных данных, в чем убеждает сравнение результатов экспериментов, проведенных различными исследователями [Маслова 2001; Мизін 2008; УАС].

Важным свидетельством надежности методики исследования является возможность подтвердить результаты с помощью другой методики. Нельзя не согласиться с мыслью К. Мизина о том, что «актуальные данные, касающиеся этнопсихологических и лингвокультурологических изменений, может представить психолингвистический эксперимент» [Мізін 2008: 71]. Однако, во-первых, основным условием получения таких данных является корректное проведение эксперимента, а во-вторых – выводы, сделанные на основе полученных результатов, должны подвергаться корректировке с помощью данных, извлеченных из иных источников. Е. Бартминский предлагает комплексный подход – так называемый САТ: **система языка, анкеты и тексты** [Bartmiński 1988: 66, 67].

Сопоставим данные, полученные с помощью нескольких психолингвистических экспериментов, и информацию фразеографических и текстуальных источников, а также выводы о национальной специфике, базирующиеся на них. Так, например, В. Маслова провела эксперимент, призванный определить специфику русской и белорусской сравнительных стратегий [Маслова 2001]. С моей точки зрения, результаты указанного эксперимента недостаточно полно отражают сравнительные стратегии, связанные с концептом Человек. В этом эксперименте в качестве информантов использовались студенты, а такой информант не может претендовать на роль усредненного современного носителя языка и культуры. Еще одним фактором, не благоприятствующим релевантности результатов, является профессия – анкетировались только филологи, то есть выборку трудно считать репрезентативной. Например, в эксперименте русск. *глупого* респонденты сравнили с: 1) животными; 2) растениями; 3) людьми; 4) артефактами [Маслова 2001: 176]. Это позволило экспериментатору прийти к выводу о том, что у носителей русского языка в эксперименте не встречаются сравнения глупого человека с другими людьми, в то время как прочие группы совпадают; наибольшее количество сравнений у русских с артефактами, у белорусов – с другими людьми и животными [Маслова 2001: 176]. Однако в русском языке прототипами этого атрибута также выступают люди. Собранный нами материал свидетельствует о том, что физические характеристики человека вербализируются достаточно разнообразно, например, атрибут *худой* вербализируют сравнения, основанные на сопоставлении человека с **человеком, частью тела человека** (останками человека), **мифическим существом, животным, растением, явлением природы, артефактом, блюдом, частью чего-то** и т. д. Чаще всего атрибуты *высокий, худой* ассоциируются с деревянным предметом, имеющим вертикальную пространственную ориентацию.

К аналогичным выводам можно прийти и в отношении эксперимента К. Мизина: анкетировались респонденты в возрасте 17–22 лет (студенты-переводчики Кременчугского государственного политехнического университета им. М. Остроградского), для которых украинский язык родной; 100 человек преимущественно **женского пола** (курсив мой – Е. Л.) [Мізін 2008: 71]. Сравним данные фразеографических и текстуальных источников с данными результатов психолингвистических экспериментов К. Мизина и С. Мартинек (укр. добрий 201 / 93) [УАС I: 108],

учитывая отличия между направленным и свободным ассоциативными экспериментами. Прототипические референты атрибута укр. *добрий* (данные К. Мизина / данные С. Мартинек / сравнительные украинские стратегии: мама – 16/1(m)/+; сонце – 6/—/+ (единичное сравнения, без эксплицированного); бабуся – 5/1(f)/—; Бог – 4/1(m)/—; собака/пес – 4/ собака 1(m), собака 2(f)/+; батько – 2/тато 1(f)/—; дідусь – 2/6(f)/—; сама доброта – 2/ доброта 1(m), добро 1(f)/—; Дід Мороз – 2/2(m)/—.

К. Мизин пришел к выводу о том, что у украинцев добрый человек ассоциируется преимущественно с мамой, поскольку эти ассоциации базируются на глубинных концептуальных основаниях – симболиях славянских народов; идентичными являются сравнения с укр. *бабусею, Богом, псом, Дідом Морозом* [Мізін 2008: 72]. Результаты экспериментов К. Мизина и С. Мартинек значительно отличаются. На основе данных эксперимента С. Мартинек, можно прийти к выводу о наличии связи между *добрий* и названиями мужчин по признаку родственных отношений ((m) чоловік **3**, господар, дядько **2**, вуйко, зять; (f) дідусь **6**; господар; чоловік **5**; дядько **2**; дід; дядечко; син; тато **1**) [УАС I: 108]. Экспликация именно этого признака, возможно, объясняется в первую очередь влиянием грамматического рода стимула. К сожалению, отсутствуют экспериментальные данные для стимулов укр. *добра* та *добра як*. Фразаографические источники и текстуальные данные свидетельствуют, во-первых, о разнообразии и, во-вторых, о сопоставимости сравнительных стратегий в русском, белорусском, болгарском, польском и украинском языках (вербализация осуществляется в терминах суперконцептов ПЕРИОД ВРЕМЕНИ; РАСТЕНИЕ; МИФИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО; ЭЛЕМЕНТЫ МИРА; ЖИВОТНОЕ; ЧЕЛОВЕК; АРТЕФАКТ (БЛЮДО, НАПИТОК) и др.

По результатам «социолингвистического мониторинга» К. Мизин делает вывод об асимметрии ценностей / антиценностей прошлого и современности [Мізін 2008: 79]. М. Фляйшер на основе серии экспериментов утверждает, что коллективным символам свойственна «динамическая стабильность»: «Коллективные символы оказываются, с одной стороны, очень стабильными единицами системы культуры и в то же время, с другой стороны, выявляют определенную вариабельность (модификабельность или фенотипную пластичность) или динамику...» [Fleischer 2003: 139].

Проанализировав компаративную вербализацию около 130 признаков в русском, белорусском, болгарском, польском и украинском языках (источниками материала послужили имеющиеся фразеологические словари, в частности словари устойчивых сравнений, Национальный корпус русского языка, тексты художественной и публицистической литературы (на бумажных и электронных носителях), а также такой специфический вид письменной разговорной речи, как общение в интернете (на так называемых форумах, чатах и др.), диалектный и субстандартный материал), можно утверждать о наличии динамической стабильности языковых картин мира и на примере их компаративных составляющих.

Следовательно, специфика метафорических вербализаций в пределах какой-либо языковой картины мира обуславливается особенностями категоризации. Связи между концептами, эксплицируемые на фразеологическом материале,

являются типичными для определенного лингвосообщества. Однако очевидно, что фразеологическая реконструкция является лишь составляющей частью концепта. Перечень фразеологических атрибутов того или иного объекта может не совпадать с перечнем его же атрибутов, эксплицируемых на основе других текстов культуры. Кроме того, данные, зафиксированные в словарях сравнений и полученные во время психолингвистических экспериментов, не отображают всего многообразия сравнительных стратегий, используемых носителями языка. Информация, извлечённая из большого массива текстов (корпусов и текстов, размещенных в Интернете), подтверждает эти выводы. Сравнительные стратегии демонстрируют незначительную динамику прототипических представлений. Экзотические прототипы могут переходить к разряду привычных для носителей языка, увеличивая при этом количество ядерных атрибутов. Объект действительности в зависимости от контекста (фона) получает определенные атрибуты, на основе которых устанавливается связь с соответствующими категориями. Прототип символа и прототип, символизируемый в ментальном пространстве, не находятся на расстоянии одного звена или, другими словами, одной когнитивной процедуры (особенно когда идет речь о метафоре). Символическая асимметрия языковых картин мира обусловлена преимущественно несовпадением прототипических представлений, развившихся под воздействием различных культурных факторов. Исследование устойчивых сравнений свидетельствует о том, что существует несколько прототипических референтов для определенного признака. Соответствующие психолингвистические эксперименты, направленные на определение прототипических референтов (в частности того или иного цвета), при всей своей результативности не задают во время эксперимента регистра, им свойственна высокая степень абстрагированности. Результаты контекстуального анализа устойчивых сравнений убеждают, насколько важно учитывать, какая именно концептосфера вербализируется, каким является коммуникативное намерение говорящего. Во фразеологическом материале имеется ряд концептов, в терминах которых вербализирован тот или иной концепт (или даже концептосфера), собственно поэтому на вербальном уровне имеется, по крайней мере, несколько символов, относящихся к этому концепту. Особенно наглядно существование разных способов вербализации демонстрируют именно сравнительные стратегии, обнаруживая концепты, типично, регулярно взаимодействующие в определенной языковой картине мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BARTMIŃSKI, J. (1988): Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem – na przykładzie stereotypu matki. In: *Język a kultura*. № 12, s. 63–83.
- FLEISCHER, M. (2003): Stabilność polskiej symboliki kolektywnej. In: *Język w kręgu wartości: Studia semantyczne*. Lublin, s. 107–143.
- KEESING, R. M. (1994): Radical cultural difference: Anthropology's myth? In: *Language contact and language conflict*. Amsterdam / Philadelphia, p. 3–23.
- ЗАЛЕВСКАЯ, А. А. (2001): Психолингвистический подход к проблеме концепта. In: *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Воронеж. С. 36–44.
- МАСЛОВА, В. А. (2001): *Лингвокультурология: Учеб. пособ.* М.
- МІЗИН, К. І. (2008): Психолінгвістичний експеримент чи соціолінгвістичний моніторинг? Епістемологічні пошуки аксіологічної фразеології. In: *Мовознавство*. № 1. с. 67–79.
- СЕРЕБРЕННИКОВ, Б. А. (1988): *Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление*. – М.

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА ЛОМАКИНА

Россия, Москва

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ В ПАРЕМИЯХ (на материале текстологии Л. Н. Толстого)

ABSTRACT:

The article is devoted to the analysis of one of the types of transformations of paremiaes in L. N. Tolstoy's texts – ellipsis. Except for occasionalism, an author examines the examples of the use of usual variants of ellipsis used by the writer. Theoretical positions concerning okkazionalizm over are also imployted.

KEY WORDS:

Proverb – saying – occasionalism – implication – ellipsis – diachronic ellipsis.

Активное использование паремийного фонда как русского, так и иностранного языков характерно для творчества отечественных писателей-классиков. Пословицы и поговорки выполняют различные функции в тексте, преимущественно – эмоционально-экспрессивную и оценочную, служат одним из способов выражения авторской позиции в качестве названий текстов, эпиграфов к художественным произведениям. При анализе паремиологического корпуса писателя необходимо не просто зафиксировать частотность употребления той или иной пословицы, определить ее функции, соотнести с лексикографическим источником, но и выявить индивидуально-авторские особенности употребления, проследить стандартное и нестандартное (окказиональное) использование одной и той же паремии в языковом контексте эпохи и в текстологии данного писателя, т.е. в синхронии и диахронии. Цель данной статьи – проанализировать некоторые примеры окказиональных преобразований паремий в текстологии Л. Н. Толстого.

Поскольку паремии являются составной частью фразеологии, то теоретические положения, относящиеся к фразеологизмам, можно использовать и применительно к пословицам и поговоркам. Фразеологи (А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко) различают два типа окказионально преобразованных ФЕ: окказиональные варианты узуальных ФЕ, окказиональные ФЕ. «Дифференциальным признаком выделенных типов окказионально преобразован-

ных фразеологизмов является тождественность / нетождественность их семантики семантике фразеологического инварианта» [Третьякова 1994: 79]. Окказиональные варианты узуальных ФЕ, обладая окказиональными признаками (функциональной одноразовостью, творимостью, мотивированностью контекстом, речевым производным характером) [Лыков 1986: 11–19], сохраняют семантическое тождество фразеологическому инварианту. В окказиональных ФЕ, являющихся дериватами узуальных ФЕ, «нетождественность инварианту может проявиться на уровне содержания, категориальности и образности» [Третьякова 1994: 81]. Окказиональные ФЕ «служат не смысловой заменой языковых эквивалентов, а средством вербализации индивидуально-авторских концептов, как и возникающие на базе ФЕ языка окказиональные слова» [Мелерович, Мокиенко 2008: 313].

При отграничении индивидуально-авторских (окказиональных) вариантов ФЕ, в том числе и паремий, от окказиональных ФЕ в языке писателя существует ряд проблем: определение времени появления окказиональной единицы в языке (возможно, она принадлежит другой языковой личности), установление частотности ее употребления в общелитературном языке и языке писателя. «Для исследования вариантности <...> очень важны первые, наиболее ранние фиксации единиц» [Николаева 2008: 511]. При решении названных проблем можно использовать национальный корпус русского языка (НКРЯ).

Мастерство писателя при употреблении фразеологических средств языка, в том числе паремиологического фонда, проявляется в целенаправленном отборе того или иного варианта ФЕ с учётом семантики, грамматического значения, парадигматических отношений с другими единицами в микро- и макроконтесте.

Одним из частотных способов окказиональных преобразований паремий является такая разновидность импликации, как эллипсис, вследствие которого образуется новая ФЕ: окказиональный вариант узуальных ФЕ или окказиональная ФЕ. Эллипсис достаточно распространен среди пословично-поговорочных выражений «как характерное проявление принципа языковой экономии, направленного на минимальную затрату речевых усилий для обеспечения понимания» [Бондаренко 1995: 127]. А. Г. Ломов, говоря о процессе редукции ФЕ, отмечает, что «сокращение ФЕ наблюдается в фразеологическом материале языка художественного текста разных а второв, правда, прием сокращения ФЕ у каждого художника слова характеризуется своими специфическими чертами» [Ломов 1998: 314].

Некоторые пословицы и поговорки являются источником образования новых ФЕ, употребляемых в языке наряду с паремиями и зафиксированных в словарях. «Эти усеченные сочетания становятся нормированными, воспроизводятся в готовом виде и соотносятся с контекстом лишь как элементы, воплощающие целостную семантику всей ФЕ» [Мокиенко 1989: 103]. В данном случае мы можем говорить о диахроническом эллипсисе.

Достаточно часто Л. Н. Толстой использует ФЕ, образованные путём выделения ключевого компонента и являющиеся общеязыковыми ФЕ: *журавль в небе* ← *Лучше синица в руке, чем журавль в небе, взялся за гуж* ←

Взялся за гуж, не говори, что не дюж, старое поминать ← *Кто старое помянет, тому глаз вон,*

Отнять насилем удерживаемую помещиками землю невозможно потому, что сила всегда была и будет на стороне тех, которые уже забрали власть. Дождаться того, чтобы освобождение земли совершилось по способу; предлагаемому социалистами, т. е. быть готовыми променять условия хорошей жизни на самые дурные в ожидании **журавля в небе**, совершенно бессмысленно. («К рабочему народу», 1903 г., VII).

- *Смотри, барин, взялся за гуж, не отставать!* – сказал он, и Левин услышал сдержанный смех между косяками («Анна Каренина», ч. 3, гл. IV).
- *Катюша, зачем ты так говоришь? Я ведь знаю тебя, помню тебя тогда, в Панове...*
- *Что **старое поминать**,* – сухо сказала она.
- *Я вспоминаю затем, чтобы загладить, искупить свой грех, Катюша,* – начал он и хотел было сказать о том, что он женится на ней, но он встретил ее взгляд и прочел в нем что-то такое страшное и грубое, отталкивающее, что не мог договорить. («Воскресение», ч. 1, гл. XLIII)

Больше и говорить не стал. Приехали домой, сейчас она матушке в ноги. Матушка говорит: «Бог простит». А батюшка поздоровался и говорит: «Что **старое поминать**. Живи как получишь. Нынче, говорит, время не такое, с поля убираться надо. За скородным, говорит, на навозном осьминнике рожь-матушка такая, бог дал, родилась, что и крюк не берет, переплелась вся и легла постелью. («Воскресение», ч. 2, гл. XLI)

Наташа, по замечанию матери и Сони, казалась по старому влюбленной в Бориса. Она пела ему его любимые песни, показывала ему свой альбом, заставляла его писать в него, не позволяла **поминать** ему о **старом**, давая понимать, как прекрасно было новое; и каждый день он уезжал в тумане, не сказав того, что намерен был сказать, сам не зная, что он делал и для чего он приезжал, и чем это кончится. («Война и мир», т.2, ч. 3, гл. XII)

Никита. Эх, Маринушка! (Хочет ее обнять.)

Марина (сердито отстраняется.) А ты, Микита, эту ухватку оставь. То было, да прошло. За хозяином пришла. У вас он, что ль?

Никита. Не **поминать**, значит, **старого**? Не велишь?

Марина. **Старое** нечего **поминать**. Что было, то прошло («Власть тьмы», д. 5, явл. 4).

Наибольший интерес для исследователей языка писателя представляет выявление окказиональных ФЕ, образованных на материале паремий. Рассмотрим примеры употребления пословицы *Сказанное слово серебряное, а несказанное – золотое*:

В следующих контекстах эта паремия используется в нетрансформированном виде:

«Война есть наитруднейшее подчинение свободы человека законам бога, – говорил голос. – Простота есть покорность богу; от него не уйдешь. И они

просты. Они, не говорят, но делают. **Сказанное слово серебряное, а не сказанное – золотое.** Ничем не может владеть человек, пока он боится смерти. А кто не боится ее, тому принадлежит все. Ежели бы не было страдания, человек не знал бы границ себе, не знал бы себя самого. Самое трудное (продолжал во сне думать или слышать Пьер) состоит в том, чтобы уметь соединять в душе своей значение всего. Все соединить? – сказал себе Пьер. – Нет, не соединить. Нельзя соединять мысли, а сопрягать все эти мысли – вот что нужно! Да, сопрягать надо, сопрягать надо!» – с внутренним восторгом повторил себе Пьер, чувствуя, что этими именно, и только этими словами выражается то, что он хочет выразить, и разрешается весь мучающий его вопрос. («Война и мир», т. 3, ч. 3, гл. 9)

Сказанное слово серебряное, а не сказанное – золотое. Промолчать, что большое слово сказать. (Календарь с пословицами на 1887 г., июнь)

Писатель употребляет разные окказиональные варианты этой паремии:

Время проходит, но **сказанное слово** остается. («Путь жизни», XXIII, Слово, I).

4) Отчего **не сказанное слово золотое**? Отчего самый умный человек ничего бы не писал и не говорил? Оттого, что для того, чтобы говорить что-нибудь, делать выводы, надо допускать многое непонятное понятным, многое оставлять неисследованным. Коли всё понимать, то всё будут ноли, из которых не выйдет формулы – только ноль. (Записные книжки (1853–1910))

Можно упрекать себя в говорливости, а уж никак не в молчаливости – **золотых словах**. (Письмо Н. Н. Страхову 23 августа 1894 г.)

Особого комментария требует окказионализм серебряные слова, образованный путем вычленения из данной паремии:

Не писал больше полмесяца. Был нездоров – и теперь не поправился вполне. Вчера было письмо от сына Льва, очень тяжелое. Я прочел только начало и бросил. Я написал было ответ **серебряных слов**, но, успокоившись, предпочел **золотые**. (Дневники, 2 февраля 1907 г.)

В НКРЯ не зафиксировано ни одного случая использования фразеологизма серебряные слова. В приведенном контексте данная единица антонимична фразеологизму золотые слова, употребленного не в привычном, устоявшемся значении «Об умных, дельных высказываниях, полезных советах» [ФСРЛЯ 2: 247]. Таким образом, появляются окказиональные фразеологические антонимы золотые слова «молчание, молчаливость» и серебряные слова «сказанное, написанное», образованные на базе пословицы и получившие значения путем коренного переосмысления ФЕ языка (золотые слова в исходном значении).

Попытка обзора одного из частотных способов окказионального использования паремий – эллипсиса – показала, что писатель использует потенциальные возможности языка, употребляет уже известные варианты. Вопрос, стоящий перед исследователями языка писателя о статусе окказионализма, помогает решить НКРЯ. Кроме эллипсиса, можно было говорить и о других способах окказионального преобразования пословиц и поговорок в текстологии Л. Н. Толстого: преобразование категориального значения (встречанье по

платью ← По платью встречают, по уму провожают (посл.), конверсия ситуации (по платью проводить, по полушубку изгнать ← По платью встречают, по уму провожают), включение в сравнительный оборот (как коса на камень ← Нашла коса на камень, не бояться, как мокрому дождю ← Мокрому дождь не страшен), образование авторской окказиональной ФЕ по модели общезыковой (Новые метлы не чище, а дольше метут ← Новая метла чище метёт) и др.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БОНДАРЕНКО, В. Т. (1995): *Варьирование устойчивых фраз в русской речи*. Тула.
- ЛОМОВ, А. Г. (1998): *Фразеология в творческой лаборатории писателя (на материале драматических произведений А. Н. Островского)*. Дис. ... д-ра филол. наук. Елец.
- ЛЫКОВ, А. Г. (1986): *Современная русская лексикография (Русское окказиональное слово)*. М.
- МЕЛЕРОВИЧ, А. М., МОКИЕНКО, В. М. (2008): *Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка*. Кострома.
- МОКИЕНКО, В. М. (1989): *Славянская фразеология*. М.
- НИКОЛАЕВА, Е. К. (2008): Вариантность пословиц в новом большом словаре русских пословиц. In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе*. Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. А. М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). М., с. 509–512.
- ТРЕТЬЯКОВА, И. Ю. (1994): Окказиональные преобразования фразеологических единиц в поэтическом тексте. In: *Семантика языковых единиц. Ч. 2. Фразеологическая семантика*. Доклады 4-й международной научной конференции. М., с. 78–81.
- А. И. ФЕДОРОВ (сост.) (1997): *Фразеологический словарь русского литературного языка (ФСРЛЯ)*: В 2 т. М.

МИРОСЛАВА МАЛОХА

Польша, Кельце

ВЕГЕТАТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА: ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ СМЫСЛЫ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

ABSTRACT:

Vegetative metaphors for human health – traditional and new meanings in the Russian phraseology. The paper presented shows some substandard vocabulary and phraseology to be used in vegetative connotation related to human health along with its appearances and body condition. They are used for description of man (healthy, ill, venerable, tired, old), parts of body and names of illnesses. The substandard lexemes also include a vast number of semantic fields to determine drug abuse and alcoholism.

KEY WORDS:

Substandard – phraseology – vegetative image – health – human condition – alcoholism – drug abuse – illness – old age – body parts.

Здоровье как наивысшая ценность человеческой жизни во все времена закономерно находит воплощение в языковых единицах разных уровней, в том числе во фразеологизмах. Характерное для всех языков и культур осмысление человека в категориях растительного мира, основанное на представлении о единстве человека со всей живой природой, обусловило своеобразие вегетативных метафор здоровья человека. В то же время эпоха накладывает свой отпечаток, когда присущие крестьянскому сознанию образы в лексике и фразеологии все активнее вытесняются современными реалиями, что особенно наглядно в сфере жаргона.

Если говорить о фразеологической системе, и здесь можно констатировать возникновение неологизмов. Их ономаσιологической доминантой является антропоцентризм, почти тотальная нацеленность на характеристику человека и различных сфер его деятельности. «Доминантами фразеологической неологии становятся как преимущественно негативно отмеченные поля (обмана, воровства, пьянства, безделья, агрессии и т.п.), так и семантические блоки, имеющие табуистическую (поле смерти) или эвфемистическую (поле секса,

брани) кодируемость» [Мокиенко, Вальтер 2008: 105]. Самым натуральным образом в названные поля и блоки помещается сфера болезней, физического, а в некоторой степени и психического, интеллектуального здоровья человека.

Как в диалектах, так и городском просторечии активно функционируют устойчивые выражения, метафоры или сравнения типа *цветущий вид* или *увядающая красота*, *цвести* и *пахнуть* и др. Вегетативная метафора здоровья особенно ярка в диалектной лексике – донск. *цветный* ‘цветущий’; арханг. *выцвести* ‘похудеть, стать изможденным, потерять силы’. Фразеология с ее насыщенной эмоциональной окраской и тенденцией к отрицательно окрашенным тонам передает состояние болезни, измождения, страдания – донск. *потерять девичий цвет* ‘утратить девичью свежесть, красоту’. Более продуктивно сопоставление крепости и здоровья человека с сильно укоренившимся, живучим растением, соответственно см. челяб. *зачичереветь на корню* ‘быть невзрачным, тщедушным, низкорослым’; пск. *сохнуть на корню* ‘сильно худеть от болезни или страданий’; (выйти) *с корня вон* ‘состариться, потерять силы, ослабеть’.

Как диалектная, так и жаргонная лексика и фразеология демонстрируют использование растительных коннотаций при метафорическом обозначении частей тела и особенно гениталий, что связано не только с табуированием их прямых номинаций, сколько опирается на общую мифопоэтическую тенденцию вегетативного описания производительной сферы человека. При этом жаргонное употребление характеризуется более насыщенными ироническими тонами – *ночная фиалка* ‘мужской половой орган’.

Лексемы и фразеологизмы тематического поля «здоровье человека» закономерно соотносятся с понятийной сферой «состояния», т.е. описания некоторой характеристики человека, но не вообще, всегда, а только касательно избранного момента времени. Оценка состояния производится с ориентацией на эталон, сравнение опирается на коннотацию объекта и обращается к стереотипу, принятому в данной языковой общности. Стереотип, как известно, опирается не столько на реальные качества объекта, сколько на приписываемые определенным коллективом свойства. Так, для описания здорового, румяного, бодрого человека в русском языке закреплены выражения *как (словно, точно) помидор*, *как (словно, точно) бурак* ‘о полнокровном, упитанном человеке’. Состояние болезни, усталости передается через стереотипные *как (словно, точно) соломинка* и просторечное <быть> *как выжатый лимон* ‘совершенно обессилеть от физического или умственного перенапряжения’.

В функции характеризующих номинаций здорового человека выступают номинации-характеристики человека. Среди них – *как (словно, точно) дуб (дубок)* ‘здоровый, крепкий, о человеке-мужчине’; *здоров (словно, точно)* *как грибок (как боровик, как боровичок)* – ‘об очень здоровом и крепком человеке (мужчине)’; *как (словно, точно) огурчик свежий* ‘здоровый, ухоженный, опрятный, бодрый, свежий, человек (мужчина)’; *как (словно, точно) маков цвет* ‘о красивой здоровой девушке, молодой женщине’. *Огурчик* ‘бодрый и свежий юноша’ в городском просторечии приобретает шутивно-ироническое уточнение *как огурчик: молодой, зеленый и весь в прыщах* ‘о юноше в период

полового созревания'. Языковые выражения этого типа служат не просто средством освоения эмпирически познаваемой действительности, но одновременно ее оценивания в образах-эталонах, имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям и традициям. Известно, что эталоном здоровья в славянской ментальности выступает дуб. Кроме того, у каждого народа, помимо эталонов, общих с другими народами (типа *силен как дуб, глупый как пень*), существует свое особое представление о «соизмеримости» человека и растения. И эти эталонизированные в традиционных сравнениях представления как бы «задают» образцы красоты и здоровья и, что важно, находят продолжение в городском просторечии и жаргонах, см., к примеру, *вырви-дуб* прост. 'здоровенный детина'; сиб. *бревном не ушибить кого* – 'здоровый, крепкий (о человеке)'.

Собственно сфера болезней в субстандарте представлена достаточно одно-сторонне, когда разрабатываются типичные в сфере носителей жаргона самоповреждения, венерические болезни. Особой продуктивностью выделяются метафорические обозначения венерических заболеваний, среди которых заметное место принадлежит именно растительным образам: *расцвела розочка* – 'кто-л. заразился венерической болезнью'; *светлая розочка* – 'гнойные выделения при заболевании гонореей'; *купить розочку* – 'заразиться венерической болезнью'; *флора* – 'зараза, инфекция, микробы, вирусы (часто о венерических заболеваниях)'; *букет* – 'несколько венерических заболеваний, которыми страдает один человек', *схватить (подхватить) букет-дуплет* – 'заразиться сифилисом и гонореей', *букетник* – 'человек, страдающий несколькими венерическими заболеваниями' и др. Ирония – стилистическая доминанта вегетативных метафор: *Арбуз растет, а кончик сохнет* – 'о стареющем и полнеющем человеке, с намеком на снижение у последнего потенции'; *весь в корень пошел* о мужчине маленького роста, обладающем половым членом завидного размера; *мухомор* 'половой член, не способный к эрекции'.

Взаимные перекодировки жизни человека и растения, столь ярко отраженные в традиционных представлениях и народном фольклоре, затронули тему немощных, больных стариков: морд. *морковь беззубая*. 'о старом, дряхлом человеке'; перм. *дряблая редька*. Растительная символика присутствует и в выражениях: волг. *падает через былинку* ирон. 'о слабом, больном, старом человеке'; перм. *на табак пора пустить (смолоть)* 'о старом, дряхлом человеке'. В просторечии и жаргонах маскируются названия тяжелых болезней, терминальных больных, напр. *овощ* – мед. 'беспомощный больной, подключённый к какому-л. аппарату, от которого зависит его жизнь'; *кандидат на тот свет* (или в *сосновый ящик* и т.п.) – 'старый, больной человек', *лежать (валяться) как бревно* 'о тяжелобольном, прикованном к постели человеке'.

Наркомания как одна из наиболее острых социальных проблем, имеющих отношение к здоровью человека, в речевой сфере характеризуется наличием собственного и достаточно разработанного жаргона. Это касается прежде всего лексемы *травя*, которая выступает родовой для ряда целебных трав, а также для наркотиков – *травя, травка* – 'любое наркотическое вещество для ку-

рения': *травушка-муравушка* – шутл. 'гашиш'; *божья травка* – 'гашиш'; *сидеть на траве* – 'курить анашу, гашиш, марихуану'; *смешная трава* – 'гашиш'; *травник* – 'наркоман-курильщик'; *пинать заячью травку* 'пытаться достать, раздобыть наркотики'. См. здесь же диалектные фразеологизмы – донск. *лежать на траве* 'будучи на диете, лечиться целебными травами'; *класть в траву кого* 'лечить кого-л. травами'.

Привлечение образов растения при описании наркотических средств, будучи обусловленным реально, вместе с тем возможно и для создания метафорического образа: *смешной табак* – 'марихуана', *капуста* – 'мелко нарубленные незрелые головки мака', *солома* – 'махорка, табак', *соломка* – 'смесь махорки с гашишем', *солома* – 'молотые на мясорубке головки мака, которые поедают обычно в виде кашицы с молоком', *зёрна* – 'таблетки', *пшеничка* – 'морфий', *морковка* – 'анаша', *шалфей* – 'чай, чифирь'; *сажать зёрнышки* – 'принимать наркотики в таблетках'; *подсесть на ветку* – 'оказаться в наркотической зависимости'. К наркотическим растениям примыкают и галлюциногенные грибы, что также отражено в жаргоне: *есть грибы* – 'употреблять наркотики, изготовленные из грибов-поганок', в *мухоморе* шутл.-ирон. 'в состоянии дурмана от ядовитых грибов'.

«Алкогольная» тема с полным правом может быть причислена к сфере здоровья и болезней, особенно когда речь идет не просто об опьянении, а о болезненном злоупотреблении спиртным. Вегетативная метафора в описании сильно пьяного человека достаточно традиционна, и в субстандарте, просторечии продолжает диалектную образность: пск. *под цветок* шутл. 'в состоянии сильного алкогольного опьянения'; морд. *дубовый кошель* 'об алкоголике с тяжелым характером'; *кусоч мокрого дерева* 'о человеке в состоянии сильного алкогольного опьянения'; *грибок* – шутл.-ирон. 'очень пьяный человек'; *акация зацвела* – 'о пьяном человеке'; *мухомор* 'алкоголик, пьяница'; *синий словно фиалка* 'о сильном алкогольном опьянении (стеколыщика)'. Собственно спиртное и его употребление также опираются на растительную символику – *нащипать ползун-травы* – 'напиться пьяным'; *гриб* – бутылка со спиртным; *зелень* – спиртное. Как и в случае с наркотиками, как *зелье* обозначается спиртное.

Многочисленные лексемы и фразеологизмы не обозначают новых явлений, а «рождены потребностью экспрессивной «перезарядки» фразеологии, необходимостью по-новому, иными языковыми фактами обозначать старые факты и явления» [Мокиенко 2008: 37].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- МОКИЕНКО, В. М. (2008): Фразеологическая неология как лингвистическое явление. In: *Frazeologia*. Opole, с. 23–38
 МОКИЕНКО, В. М., ВАЛЬТЕР, Х. (2008): Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное. In: *Frazeologia*. Opole, с. 101–108.

ЕЛЕНА НЕВЗОРОВА-КМЕЧ

Польша, Лодзь

НОВОЕ И СТАРОЕ В ПОЛЬСКОЙ ЖАРГОННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

ABSTRACT:

The paper describes phraseological units which function in Polish slang. We try to present the tendency of adoption of argot phraseological and lexical unit or loanwords in slang. We note the ways of their creation and transformation. The renewal is a consistent development of slang. Any popularization of a unit and adaptation of it in colloquial speech further the reduction of expressivity and provoke its renovation. This is a very dynamic process, so permanent fixation of slang units is very important and can help in other linguistic studies.

KEY WORDS:

Phraseology – phraseological units – slang – Polish – loanwords – transformation

Особенный импульс исследование жаргона получило в XX веке и интерес лингвистов к этой теме не уменьшается. Хотя на язык отдельных социальных групп было обращено внимание и ранее – в XIX веке, когда и началось составление словарей. В настоящее время издано немало лексикографических трудов, которые позволяют ознакомиться и дальнейшее изучение лексики жаргона и фразеологии. Объектом нашей статьи стала фразеология жаргона.

Взаимосвязь субкультур возможна при наличии сходного характера и общего языка общения, обслуживающего темы, которые находятся в кругу интересов их носителей (напр., хулиганов, поклонников хип-хопа и рэпа, дресяжей, блокерсов (русс. соот. гопники)). Используя средства литературного и разговорно-просторечного языка, они вплетают в свою речь те жаргонные элементы, которые затрагивают то, что является табуизированным в культурном сообществе, или элементы, которые заменяют литературные и разговорные единицы, обслуживающие мало экспрессивные, обыденные сферы жизни или сферы, не нашедшие определения в литературном языке. Жаргон несет, прежде всего, экспрессивную функцию (Grabias, Химик). Жаргон не имеет функции тайности, он лишь может быть непонятным для тех, кто

не принадлежит к определенной возрастной категории и группе общения. Таким образом, пунктом определения новизны фразеологических единиц, как и лексики, может служить фактор возраста и социальной принадлежности носителей.

Определение нового и старого или признание каких-либо единиц неологизмами в общем жаргоне можно произвести, как писал В. М. Мокиенко, при оценке динамизации употребления единицы в социофункциональных сферах бытования [Мокиенко 2001: 22].

Общий жаргон представлен в словарях сленга Б. Хациньского, М. Чешевского, разговорной речи Я. Анусевича и Я. Скавиньского, интернет-словарях М. Видавского и Городском словаре сленга и разговорной речи. Сравнивая материал (более 1500 тысяч единиц) этих словарей с точки зрения представленной в них фразеологии, отмечаем, что последний из указанных и словарь Б. Хациньского демонстрируют наибольшее количество новых единиц. Эти единицы являются фразеологическими неологизмами, которые понимаются как «не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2001: 22].

Процесс перехода этих единиц в разговорный язык (об этом см. работы Д. Буттлер, С. Грабьяса, С. Кани, С. Милевского, С. Стемпняка) активизирует запланированное введение жаргонных слов и выражений в тексты, создаваемые журналистами, комментаторами, ведущими, авторами реклам (напр., *złapać głoda*) и фильмов (напр., *kąsaj brylkę, mlaskaj pytonga, chapaj dzidę* ‘заниматься онанизмом’ из мультфильма *Włatca Móch*). И неслучайно О. Н. Федянина отметила, что молодежный жаргон относится «к языкам, обслуживающим определенные области коммуникации, например, язык поэзии, газеты и т. д.» [Федянина, 1996: 14]. Так выражение *full opcja* было еще несколько лет назад новым, хотя и понятным (от англ. *full option* ‘полный вариант’ (гл. обр., в области техники)), но быстро трансформировалось в *full wypas* (*wypas* – от *wypasiony* ‘имеющий полный комплект чего-л., отличный, самый лучший, большой, толстый, богатый и т.д.’, в русском жаргоне ему соответствует – навороченный), поскольку второй компонент выражения является более экспрессивным и непонятным. Тем не менее, оно было подхвачено СМИ (напр., *Wiadomości* 24 (статья *Komu socjalizm full wypas?*)) и рекламой (напр., на польском телевидении и в наружной рекламе *wypasione mleko* в качестве альтернативы другого продукта *mleko laciate*), что вызвало его постепенное исчезновение и трансформацию в речи молодого поколения (см. И. Окруй в статье *Nowy futuryzm czy pseudodysleksja?* (*Polska.pl* за 2006 г.)). Теперь в жаргоне молодежь предпочитает *być na wypasie* или английское заимствование *cool* и его полонизированный вариант *coolowy, kolo* (напр., *coolowy poradnik/dzień/świat/userbarek, Co za kolo!*). Его может ждать судьба слова *fajny*. Войдя в разговорный язык, оно обновилось до *fajowy, fajowski, zajefajny*, а также приобрело

ретают обратное значение с иронической окраской в выражении: *Fajnie masz na chacie* 'кто-л. глупый, плохо соображает, жрр. у кого-л. не все дома'. Компонент *opcja* вошел в адъективное словосочетание *bez kitu opcja* 'великолепно, прекрасно'. Связан ассоциативно-грамматическим рядом с ФЕ *full wypas* неологизм *wywalony o glebę* 'прекрасный, отличный, великолепный' (*wywalić się* – *wywrócić się* – *spaść*, *upaść*, *wypaść* (*wypadnę*) и *wypaść* (*wypasę*) и расширенное жарг. компонентом *o glebę* (ср. *gleba* 'падение', *zaliczyć glebę* 'упасть'), продиктованное значением первой составляющей). Если предположить, что это окказиональное употребление, то, согласно утверждению В. М. Мокиенко: «не надо ... спешить ставить им диагноз «редкое» или «окказиональное», ибо судьбы живой речи неисповедимы и вполне вероятно, что по воле таких судеб эти непривычные слова вскоре из периферии языковой системы переберутся в самый центр – как некогда было с такими субстандартными заимствованиями [...] [Мокиенко 2004: 8], например, *pić / lać z gwinta* 'пить / лить из бутылки' – *gwint* – нем. *Gewinde* 'нарезка, резьба', *cycuś glancuś* 'все хорошо, отлично' – нем. *Zitze* 'сосок' (пол. прест. *cyc* 'новый заключенный'), *Glanz* 'блеск, лоск, глянец'; *do kitu* 'что-л. плохое', *bez kitu* 'серьезно' – нем. *verkitten* 'замазывать' (пол. *kit* 'замазка', прест. 'обман', варш. р. *do kitu* 'что-л. плохое'), *za free* 'бесплатно' – англ. *free* 'свободно, бесплатно', *fajnie* 'отлично, превосходно', *horror show* 'страшно прекрасно' – англ. 'ужасное представление', *wsio równo* 'все равно' от русс.

В польском языке, как и в русском, наблюдаем множество заимствований из английского языка. При этом фразеологизмы и отдельные лексемы затрагивают не только техническую (компьютерную, в частности), экономическую (бизнес-) сферу (с том числе наркотическую, музыкальную). Например, *blue system* 'полицейские' (от цвета формы, ср. *smierfy*), *dres car* 'автомобиль, на котором обычно ездят дресяжи', *haus bejbi* 'пустой, глупый человек', *Johny Warker* 'дешевое вино марки Warka', *love handles* 'жировые отложения на ягодицах', *Power Flower* 'представитель хиппи', *cartoon network* 'вранье', *club rotation* 'быть пьяным', *strzelać dżouka* 'шутить', *zdyć simlocka* 'лишить девственности', *mieć iknę* от *ktoś jest z jajami* (ср. англ. *oat's and barley* 'мужской половой член') 'быть активным, быстрым'.

Переходя из иностранного языка (английского, немецкого, испанского, русского и др.), слова, входящие в состав ФЕ, или сами ФЕ, могут сохранять свою исходную форму или претерпевать изменения за счет средств польского языка или переводиться, напр., *dać kolnąć* 'позволить позвонить' (англ. *to call* 'звонить'), *za frajer* (нем. *Freier* 'жених'), *za friko* 'бесплатно' (англ. *free* 'свободный, бесплатный'), *Jaś Wędrowniczek* 'виски марки Johny Walker', *glon łozinguje* 'наблюдение родителей' – англ. *to watch* 'смотреть'.

Одним из приемов создания новых ФЕ с использованием средств своего языка является эксплицирование жаргонного слова, напр., *dać w palnik* – *palnąć* '1. выпить алкоголь; 2. ударить, избить', *dać buha* – *buchnąć* 'выпить', использование случайных рифм *dobrze bobrze* 'хорошо', *nici w życiu* 'труссы', *pieprzenie o szopenie* 'произнесение глупостей'. Образование ФЕ происходит также при

изменении грамматической категории слова и включении ее в ФЕ: *ściskać pozdro* ‘приветствовать, здороваться’ (*pozdro* от *pozdrawiać*), *montować spierdolkę* ‘уходить’ (*spierdółka* от *spierdalać*).

Другой способ – это трансформация:

1. при помощи слов, сходных по фонетическому сходству с компонентами исходной ФЕ, напр., *czaić bazookę* от *czaić bazę* ‘понимать’ (англ. bazooka ‘динамореактивный (без отдачи при выстреле) противотанковый гранатомёт’). Само же выражение *czaić bazę* вошло в молодежный жаргон, возможно, из солдатского (*czaić liczbę* ‘запоминать количество дней до демобилизации’), второй компонент оборота является заимствованием из английского языка (*base* ‘база, основа’, ‘дом’, *to be off base* ‘ошибаться, заблуждаться’, ‘сумасшедший’).
2. при помощи слов, синонимичных компоненту ФЕ – *dać – uderzyć – palnąć – zajechać – trzaskać – czochrać – kopać* и т.д. Замена происходит внутри избранных семантических групп: избивать, пить алкоголь, курить, принимать наркотики, заниматься онанизмом.
3. при использовании компонента одной ФЕ для построения другой: *gitara mandolina* ‘все в порядке’ от *wszystko gra* через *gra gitara, foch mistrz* ‘человек, который часто обижается’ от *robić fochy* ‘обижаться’.

Некоторые ФЕ вносятся в словари жаргона лишь по принципу их экспрессивности или незнанию носителями языка, одновременно могут происходить трансформации без изменения значения, напр., *piąta woda po kisielu* – исходный фразеологизм *dziesiąta woda po kisielu* (Słownik frazeologiczny St. Skorupki) (ср. русс. *седьмая (десятая) вода на киселе*).

Мы назвали лишь некоторые из наиболее активных способов фразеобразования в жаргоне. Жаргонные единицы, неся в интенциональной части своего значения самые общие идеи, в своей экстенциональной содержат бесконечное множество объектов (ситуаций), не противоречащих этой идее. «Вчитывание же в такие слова и выражения конкретного содержания возможно только при их актуализации, то есть употреблении в речи, с учетом контекста и различных параметров речевой ситуации. В силу этого возникает своеобразный феномен. С одной стороны, подобные единицы предельно конвенциональны в том смысле, что в силу своей социальной маркированности обладают не только общепонятным смыслом, но и общепринятыми специфическими правилами употребления. С другой стороны, всякий носитель вправе относиться к таким словам и выражениям максимально творчески, вчитывая в них необходимые смысловые компоненты в рамках очень широких границ» [Валеева 2004: 168–169]. Новые или обновленные слова и выражения существуют сравнительно недолго, переходя иногда в литературный или разговорный язык, либо исчезая, возможен и обратный процесс.

Отслеживание этих единиц в их динамике является важным для дальнейшего сопоставления материала с жаргоном других языков, а также как для лексикографической, так и переводческой практики.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- ANUSIEWICZ, J., SKAWIŃSKI, J. (1996): *Słownik polszczyzny potocznej*. Warszawa – Wrocław.
- CZARNECKA, K., ZGÓŁKOWA, H. (1991): *Słownik gwary uczniowskiej*. Poznań.
- CHACIŃSKI, B. (2005): *Wyczesany słownik najmłodszej polszczyzny*. Kraków.
- CHACIŃSKI, B. (2003): *Wypasiony słownik najmłodszej polszczyzny*. Kraków.
- CZESZEWSKI, M. (2001): *Słownik slangu młodzieżowego*. Piła.
- CZESZEWSKI, M. (2006): *Słownik polszczyzny potocznej*. Warszawa.
- GRABIAS, S. (1976): Neologizm jako narzędzie w badaniu socjalnych wariantów języka. In: *Miejska polszczyzna mówiona. Metodologia badań*. Materiały z konferencji naukowej w Sosnowcu, 20–21 czerwca, 1974, Katowice, s. 103–114.
- GRABIAS, S. (1981): *O ekspresywności języka. Ekspresja a słowotwórstwo*. Lublin.
- KANIA, S. (1995): *Słownik argotyzmów*. Warszawa.
- M. BAŃKO (eds): *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa 2000.
- MILEWSKI, S.: Gwara przestępcza i jej przenikanie do języka ogólnego. In: *Poradnik Językowy*. z. 2. s. 92–101.
- Miejski słownik slangu i mowy potocznej*. URL: <http://www.miejski.pl/>.
- SKORUPKA, St. (1967): *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa.
- STĘPNIAK, K. (1972): Miejsce i rola gwar środowiskowych w rozwoju języka narodowego. In: *Poradnik Językowy*. z. 10. s. 593–596.
- STĘPNIAK, K. (1993): *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. London.
- WALTER, H. (2001): Жаргонная фразеология в качестве неологизмов. In: *Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Tekst. Czas VI*. Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej, Szczecin, 6–7 września 2001 r., Greifswald, s. 138–140.
- WIDAWSKI, M. (1998): *Słownik polskiego slangu*. URL: <http://www.univ.gda.pl/slang/>.
- БАЛЕЕВА, Н. Т. (2004): О деархаизирующей функции жаргонного словообразования в современном русском языке. In: И. А. Шаронова (eds.) *Агрессия в языке и речи: Сборник науч. статей*. М., s. 165–174.
- ВАЛЬТЕР, Х., МОКИЕНКО, В. (2000): *Краткий русско-немецкий словарь жаргонной фразеологии*. Грайфсвальд.
- ГРАЧЕВ, М. А. (1996): Как появлялись арготизмы в нашей речи. In: *Русская речь*, М., № 4, s. 67–71.
- МОКИЕНКО, В. М. (2001): Проблемы фразеологической неологии. In: *Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Tekst. Czas VI*. Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej, Szczecin, 6–7 września 2001 r., Greifswald, s. 22–25.
- МОКИЕНКО, В. М. (2004): Слово о словаре англицизмов. In: Х. Вальтер, О. Вовк, А. Зумп, Х. Конупкова, А. Кульпа, В. Порос. *Словарь. Заимствования в субстандарте. Англицизмы*. М., s. 5 – 10.
- ФАСМЕР, М. (1996): *Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт.* СПб.
- ФЕДЯНИНА, О. Н. (1996): Функционирование арготизмов в языке города. In: *Вестник Вятского педагогического университета. Сер. фил. лингвист. наук*. Киров. Вып. 1, s. 24–26.

БАРБАРА ПЕРЧИНЬСКА

Польша, Люблин

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ, ОТНОсяЩИМСЯ К БЛАТНОЙ ЛЕКСИКЕ

ABSTRACT:

The work presents the results of researches on Russian idioms with a word taken from the prisoners' slang. The analysis concerns the semantic groups of words – constituents; the dependence of the meaning of an idiom on the meaning of the word – constituent; the stylistic characteristic of idioms.

KEY WORDS:

Idiom idiom constituent – russian prisoners' slang.

Данная статья посвящена анализу русских фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом, относящимся к блатной лексике. Источником языкового материала послужил *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка* Д. И. Квеселевича, изданный в Москве в 2003 году. Словарь содержит около 16000 слов и свыше 4000 фразеологизмов. Наш интерес сосредоточен на языковых единицах с пометой **жарг.**, которая сообщает об их принадлежности к жаргонной лексике. Следует, однако, подчеркнуть, что данной пометой обозначены в словаре следующие группы слов: а) общий жаргон (интержаргон); б) армейский/флотский жаргон; в) молодежный жаргон; г) уголовный жаргон; д) жаргон наркоманов [Квеселевич 2003: 3]. Чтобы выбрать ФЕ с компонентом, относящимся к блатному языку, наличие каждой лексемы с пометой **жарг.** проверялось нами в двух словарях: *Словаре блатного воровского жаргона в двух томах* Д. С. Балдаева (1997) и В. Быкова *Русская феня* (1994). Если лексема в определенном значении находится хотя бы в одном из этих словарей, то ФЕ с компонентом, восходящим к данному слову, служит нам объектом исследования.

Главные вопросы, которые рассматриваются в статье, это: 1) характеристика семантики лексем, входящих в состав ФЕ; 2) определение степени зависимости значения ФЕ от значения компонента, относящегося к блатному языку; 3) стилистическая характеристика лексемы и ФЕ (сходства и различия). Ана-

лиз охватывает 289 фразеологизмов, в состав которых входит 185 лексем блатного языка.

Лексемы – компоненты ФЕ, относящиеся к блатной лексике, образуют несколько тематических групп.

1. Названия частей тела (31 лексема). Определенная часть тела может называться несколькими лексемами и может называться одной. Похожим образом, в состав ФЕ могут входить разные названия одной и той же части и может употребляться лишь одно. Наибольшим количеством лексем (5) представлено название лица: **витрина**, напр.: *испортить витрину* кому 'Изуродовать лицо' (86: указываться страница в словаре Квеселевича); **карточка**, напр.: *карточку отрихтовать* кому 'Нанести побои по лицу' (322); **торец**, напр.: *дать торца* 'Ударить кулаком в лицо' (850); **фасад**, напр.: *испортить (попортить, разукрасить) фасад* 'Нанести побои по лицу' (900); **фотокарточка**, напр.: *испортить фотокарточку* кому 'Побить по лицу кого-л.' (911). Три лексемами называется во ФЕ мужской половой член – **балда**, напр.: *сгонять (гнать) балду* 'Мастурбировать' (24); **водопровод**, напр.: *включить водопровод* прост. шутил. 'Мочиться' (91); **дурак**, напр.: *загнать дурака <в шерсть>* 'Совершить половой акт (о мужчине)' (194). Две лексем употреблены для названия следующих частей тела: рта, шеи, головы, горла, ног, анального отверстия, напр.: названия рта: – **варежка**, напр.: *заткни варежку* 'Замолчи' (72); **поддувало**, напр.: *закрой (прикрой) поддувало!* 'Замолчи, заткнись' (616); головы – **калган**, напр.: *взять на калган* кого 'Ударить головой в лицо' (316); **крыша**, напр.: *крыша поехала (сехала)* у кого груб. прост. 'Кто-л. потерял способность ясно соображать; обезумел, сдурел' (370); ног – **катушки**, напр.: *с катушек долой* прост. 'Тяжело заболеть, свалиться с ног' (323); **ласты**, напр.: *склеить (завернуть) ласты* 'Умереть' (385). Остальные части тела, т.е. глаза, сердце, рука, конечность (рука, нога), зуб, нос, цыпочки, зад, задница, мужские яички, женский половой орган представлены во ФЕ одним названием, напр.: глаза – **бебики**, напр.: *бебики потушить* 'Выколоть глаза' (33); сердце – **движок**, напр.: *движок заглушить* 'Ударить кого-л. ножом в сердце' (164); конечность (рука, нога) – **копыто**, напр.: *копыта откинуть* груб. прост. 'Умереть' (354); цыпочки – **цирлы/цырлы**, напр.: *ходить на цирлах (цырлах)* перед кем 'Заискивать, угодничать, прислуживаться' (955). Характеризуя остальные семантические группы лексем – компонентов ФЕ остановимся на перечислении некоторых из них.

2. Понятия, связанные с преступной деятельностью (36 лексем). Они охватывают названия преступлений, напр.: **гранд** 'Грабёж, разбой, налёт' (150); **дело** 'Преступление' (169); **работа** 'Преступная деятельность' (714); **работать** 'Воровать, красть' (714); **скок** 'Кража со взломом' (782); названия добычи, напр.: **слам** 'Воровская добыча' (787); **шмель** 'Добыча вора' (1001); объектов и мест совершения преступления, напр.: **бугай** 'Бумажник' (61); **угол** 'Чемодан' (875); **внутряк** 'Внутренний замок' (90); **воробей** (96), **серьга** (774) 'Висячий замок'; **хата** 'Квартира' (922); названия преступных группировок, напр.: **куток** 'Шайка, преступная группа, воровская компания' (379);

масть 'Отдельная воровская группировка' (417); предупреждений, сигналов об опасности, напр.: **атас** 'Предупреждение об опасности' (15); **маяк** 'Условный знак или сигнал' (423); **цинк** 'Предупреждение, сигнал об опасности' (955); названия орудий преступления, напр.: **гайка** 'Кистень (холодное оружие)' (127); **пёрышко** 'Нож, финка, кинжал' (593).

3. Названия лиц (22 лексемы). Данные лексемы называют преступников, напр.: **жох** 'Мошенник, аферист' (223); **куклим** 'Преступник, живущий по чужому паспорту' (373); **сонник** 'Вор, проникающий в квартиру через открытое окно' (800); жертв преступников, напр.: **пассажир** 'Жертва вора, мошенника, шулера' (579); **трамвай** 'Жертва преступников' (911), но и названия лиц, не связанных с преступной деятельностью. Это, главным образом, названия лиц, содержащие негативную оценку, напр.: **грелка** 'Девушка легкого поведения, проститутка' (150); **скважина** 'Проститутка' (779); **лох** 'Простак, деревенщина, простофиля, разиня' (399), хотя встречаются и названия положительных лиц, напр.: **духарь** 'Смелчак, храбрец' (199); **кореш**, **корешок** 'Друг, товарищ, приятель' (354).

4. Названия реалий тюремной жизни (11 лексем). К ним следует отнести слова: **академия** 'Место лишения свободы' (10); **кича** 'Изолятор, тюрьма' (332); **зона** 'Лагерь или колония как место заключения' (295); **верблюд** 'Невинно осуждённый' (76); **срок** 'Срок заключения' (812).

5. Понятия, связанные с наркоманией (15 лексем). В функции компонента ФЕ отмечены следующие лексемы: **верёвка** 'Наркотик' (77); **дурь** (197), **план** (605); 'Наркотики; гашиш, марихуана, анаша' (197); **косая** / **косяк** / **ко-суха** 'Доза гашиша / марихуаны; самокрутка, начинённая гашишем / марихуаной' (360); **кайф** (314); **приход** (682) 'Состояние эйфории после приёма наркотика; состояние наркотического опьянения'; **игла** (300); **обруч** (524) 'Шприц для инъекций наркотиков'.

6. Названия денег (6 лексем): **бабки** (20); **гроши** (153); **капуста** (319); **овёс** (530) 'Деньги'; **блины** 'Фальшивые деньги' (44); **кусок** 'Тысяча рублей' (378).

7. Абстрактные понятия (37 лексем) такие, как, например: **закон** 'Воровской кодекс, свод правил' (252); **лапша** (385); **муля** (447); **пурга** (706); **телега** (840); **темнуха** (842); **тюлька** (868) 'Ложь, враньё'; **масть** 'Удача, везение' (417) и т.п.

8. Другие названия (27 лексем) включают остальные разнообразные по значению слова, напр.: **бычок** 'окурок' (68); **жмурня** 'Морг' (220); **конверт** (349); **ящик** (1022) 'Гроб'; **глаз** (133); **ксива** (371) 'Документ, удостоверяющий личность'; **гакура** 'Водка' (127); **ким** 'Состояние сна, сон' (328); **бой** (40); **листы** (392); **стиры** (817) 'Карты'.

Рассматривая проблему отношения между значением ФЕ и значением лексемы из блатного языка, употребляемой в функции компонента, обратимся к двум наиболее показательным группам фразеологизмов: глагольным (215 единиц) и субстантивным (46 единиц).

Абсолютное большинство среди глагольных ФЕ составляют те, значение которых очень тесно связано со значением лексемы, к которой восходит компо-

нент, напр. **академия** 'Место лишения свободы' – закончить академию 'Отбыть срок наказания' (10); **гакура** 'Водка' – *гакуру бусать* 'Пить водку' (127); **карточка** 'Лицо' – *карточку отрихтовать* кому 'Нанести побои по лицу' (322); **угол** 'Чемодан' – *угол отвернуть (увести)* 'Украсть чемодан' (875). Значение субстантивных ФЕ еще более сильно, чем глагольных, связано со значением лексемы – компонента, ибо согласованное или несогласованное определение уточняет, конкретизирует ее значение, напр.: **глаз** 'Документ, удостоверяющий личность' – *темный глаз* 'Фальшивый паспорт' (133); **гранд** 'Грабёж, разбой, налёт' – *мокрый гранд* 'Грабёж, сопряженный с убийством' (150); **срок** 'Срок заключения' – *детский срок* 'Малый срок заключения' (812).

Группа ФЕ, значение которых не вытекает непосредственно из значения компонентов, очень невелика (10 единиц), напр.: *бороду пришить* 'Обмануть' – Сравните: **борода** 'Неудачная попытка, преступление, провал' (54); *капнуть (кинуть) на жало* 'Дать взятку милиции' – Ср. **жало** 'Язык' (210); *пулять ксиву* 'Давать установку, советовать' – Ср. **ксива** 'Документ, удостоверение, паспорт' (371); *работать под* кого прост. 'Подражать кому-л. в манерах, речи и т.п.' – Ср. **работать** 'Воровать, красть' (714).

Все рассматриваемые нами лексемы, к которым восходят данные компоненты ФЕ, принадлежат к блатной лексике. Такой же принадлежностью характеризуются в абсолютном большинстве ФЕ. Есть, однако, немногие фразеологизмы, которые не имеют при себе пометы *жарг.* Они характеризуются как: 1. просторечные, напр.: с *катушек долой* 'Тяжело заболеть, свалиться с ног' (323); *лапшу на уши вешать* кому 'Обманывать, рассказывать небылицы, лгать, заговаривать губы' (385); *задавать (давать) лататы* 'Поспешно убегать, удира́ть, спаст́ься бегством' (386); *сплошные обломы* 'Полоса невезения, неудач' (518); шуточные просторечные, напр.: *плеснуть под жа́бры* 'Выпить спиртного' (210); *держи краба* 'Употребляется в сопровождении жеста протянутой руки в значении «Здравствуй, будем знакомы»' (363); грубые просторечные, напр.: *дать дубаря* 'Умереть' (191); *копыта откинуть* 'Умереть' (354);

Подводя итоги проведенному анализу, следует подчеркнуть, что ФЕ с компонентом, относящимся к блатному языку, обогащают этот язык, но, в отличие от ФЕ литературного языка, их значение чаще всего реализуется с помощью значения лексемы – компонента. Не зная значения компонента, нельзя понять значение ФЕ. Это вполне понятно, если учесть то, что блатной язык не каждым должен пониматься. В основном новые языковые единицы принадлежат к блатному языку, хотя, правда редко, они обогащают просторечие.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАЛДАЕВ, Д. С. (1997): *Словарь блатного воровского жаргона*. Т. I, II. Москва.
 БЫКОВ, В. (1994): *Русская феня*. Смоленск.
 КВЕСЕЛЕВИЧ, Д. И. (2003): *Толковый словарь ненормативной лексики русского языка*. Москва.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ПРОХОРОВА – ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ЧЕКУЛАЙ –
ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА БАТЛУЦКАЯ
Россия, Белгород

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА ВЛАСТЬ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

ABSTRACT:

The article deals with the value-and-evaluative nature of phraseological units taken as an example of the group of the set of units of the English and Russian languages the components or the whole meaning of which is characterized by the semantics of POWER. It has been tried to show that the contrary axiological parameters of the same concept can occur within the same value picture of the world. The super-sign value is neutral, but in the actual speech units it receives a certain evaluative sign, either positive or negative.

KEY WORDS:

Value – evaluation – evaluative sign – phraseological unit – concept – value picture of the world.

У русского народа всегда было особое отношение к власти. Но, очевидно, это особенность не только русского народа, а универсальная черта человеческого менталитета в целом, поскольку вопрос о власти, начиная с власти старейшин первобытного общества и кончая властной структурой XXI века, всегда был одной из важнейших проблем функционирования социального организма.

Анализируя лексикографические источники, можно заметить, что в основе дефиниций лексемы «власть» лежит сема ВОЗМОЖНОСТЬ, СПОСОБНОСТЬ. С другой стороны, очень важным семантическим компонентом, составляющим понятие ВЛАСТИ, является сема СИЛА. Именно в этой области наблюдается большое количество метафорических и метонимических переносов, как правило, представленных ассоциациями с определёнными лицами или животными. Так, в русском языке очень много пословиц представлено с компонентом ЦАРЬ, в частности: *Народ – тело, царь – голова. Нельзя земле без царя стоять. Царь думает, а народ ведает.*

То же следует сказать и об английском языке, где соответствующий, но не совпадающий по семантическим параметрам компонент *KING* имеет аналогичные семантические функции, в частности: *The King can do no wrong. Kings go mad, and the people suffer for it. Kings have long arms.*

Что же касается анималистической семантики в области фразеологии, отражающей концепт ВЛАСТЬ, подавляющее большинство случаев относится к метафоре власти в знаковой форме таких животных, как лев и орёл (или иная хищная птица), как в русском, так и в английском языке. Это, очевидно, явная семиотическая универсалия, поскольку символика орла (Российская Федерация, США, Соединённые Штаты Мексики, Австрии и многих других стран) является характерной чертой оформления гербов государств. Но то же можно сказать и о льве (Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Чешская Республика и др.). Примечательно, что ни в русском, ни в английском языках данная семантическая черта не нашла яркого отражения в семантической структуре фразеологических единиц. Тем не менее, отдельные случаи употребления лексических единиц, репрезентирующих данный концепт, находят отражение в устойчивых словосочетаниях английского и русского языков в несколько иной импликации: неустойчивого, опасного положения в контакте с кем-то сильным, обладающим властью, в частности:

The lion is not so fierce as he is painted (ср.: англ. *The devil is not so black as he is painted*, рус. *Не так страшен чёрт, как его малюют*).

Что же касается предметного содержания концепта ВЛАСТЬ, то мы хотели бы остановиться на прототипическом значении, наиболее часто ассоциируемым в связи с данной лексической единицей, а именно – на государственной власти.

Как известно, аксиология является составной частью философских знаний, предметом которой являются ценность и оценка как порождения человеческой мысли в отражении внешних феноменов. Мы намеренно не говорим «оценочная специфика фразеологизма», поскольку, как будет показано дальше, ценность и оценка не суть одно и то же. Ценность является квалификационным представлением о людях, живых существах, вещах, природных и социальных феноменах и тому подобное, а оценка – это отражение ценности в формах экспликации человеческих знаний, и прежде всего – в форме языковых единиц, в том числе и фразеологических. Поэтому следует различать ценностное содержание определённых концептов и их оценочную экспликацию, которую и следует называть оценкой [Чекулай: 2006].

С этих позиций ВЛАСТЬ, несомненно, является ценностью. Можно по-разному судить об одном и том же временном состоянии дел в государстве, непосредственно связываемом с людьми, стоящими у его руля, и, как правило, так и происходит.

Такая ценностная специфика концепта ВЛАСТЬ получает очень противоречивые оценочные импликации в форме фразеологических единиц языка в абстракции концепта ВЛАСТЬ от определённого периода в правлении той страны, в языке которой существуют такие поговорки. Наиболее важным в ис-

следовании данного феномена, по нашему мнению, является то, что независимо от страны и языка, независимо от общего взгляда на историю государственной власти в стране фразеологическая система отражает ценностную и оценочную многогранность этого понятия. Обратимся непосредственно к устойчивым единицам английского и русского языков.

Как отмечалось выше, наиболее стабильная метонимическая модель связывает власть с правителем или иным главным лицом в иерархии государственной системы. В русском языке это *ЦАРЬ*, а в английском – *KING*.

К царю-батюшке люди относились по-разному, что и нашло отражение в таких специфических пословицах:

Положительное оценочное содержание: *Нельзя земле без царя стоять. Без царя – земля вдова. Царь города бережет. Царь от Бога пристав* и др.;

Противоречивое оценочное содержание: *Не судима воля царская. У царя руки долги. Царский глаз далече сягает. Близ царя – близ смерти. Близ царя – близ чести* и др.

Отрицательное оценочное содержание: *Царь не огонь, а, ходя близ него, опалишься. Царю из-за тына не видать. Царские милости в боярское решето сеются.*

В английском языке количество пословиц с вершинным лексическим компонентом *king* намного меньше, нежели в русском, но и эти показатели дают достаточно объективную картину противоречивой оценочной квалификации высшей государственной власти:

Положительное оценочное содержание: *The king can do no wrong.*

Отрицательное оценочное содержание: *Kings go mad, and the people suffer for it. Kings have long arms.*

Говоря о принципиальной гомогенности неоднозначного отношения к высшей государственной власти в оценочно-фразеологической картине мира в английском и русском языках, следует, однако, заметить, что в русском языке выделяются две важные фразеологические сферы, о существовании которых в английской фразеологии в системном виде говорить едва ли можно. Это сферы отношения царя к Богу и к своему близкому окружению.

Бог как высшая абсолютная и тем самым наиболее справедливая власть всегда представляется носителем положительного оценочного отношения к власти. Царь же может выступать либо в качестве верного слуги и соратника Господня, либо же он предстаёт в антитезе Богу, поскольку царь – это человек с его слабостями и недостатками. Именно поэтому пословицы этой подсферы можно разделить на две группы:

- Царь – соратник Бога, его представитель на земле: *Бог помилует, а царь пожалует. Бог помилует, так и царь пожалует. Кто Богу не грешен, царю не виноват. Всё во власти Божией да государевой. Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится* и др.

- Царь – не Бог, а человек со слабостями: *Народ согрешит – царь умолит; царь согрешит – народ не умолит. Суд царев, а правда – Божия. Без правды боярской царь Бога прогневит.*

Здесь также можно условно выделить подсферу, где отношение к царю в связи с его ролью как главного Божьего слуги противоречиво и зависит от той ситуации, где эксплицируются данные фразеологические единицы: *Одному Богу государь ответ держит. За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует. Коли царь Бога знает, Бог и царя и народ знает.*

Другая важная оценочная сфера ценностного отношения к высшей государственной власти как единой аксиологической сущности является отношение царя и его близкого окружения, прежде всего, тех прочих государственных деятелей и даже просто царской обслуги, которые прямо или косвенно оказывают влияние на государственную политику. В русском менталитете сложилось достаточно устойчивое мнение о том, что благие намерения правителя всегда искажаются его приближёнными, ищущими личную выгоду, и на эту тему существует достаточно большое количество пословиц, в частности: *Жалует царь, да не жалует псарь. Воля царю дать ино и псарю.*

В этой пословице отражается известная историческая аллюзия на опричнину во времена правления Ивана Грозного. Как известно, своего рода эмблемой опричнины была метла с собачьей головой, за что их в народе и прозвали «псарями».

Интересны и другие многочисленные пословицы данной оценочной сферы: *Не от царей угнетение, а от любимцев царских. Не бойся царского гонения, бойся царского гонителя. Царю из-за тына не видать. Царь гладит, а бояре скребут. Не князь грешит, а думцы наводят* и др., ср. также в украинском *Не так страшні пани, як підпанки.*

В отношении простого народа к «промежуточной» власти также наблюдаются черты, общие и в русском, и в английском менталитете, и это находит отражение в устойчивых словосочетаниях. В целом можно утверждать, что и у русского, и у английского народов в целом сложилось отрицательно-недоверчивое отношение к власти предрежающим. Здесь можно выделить следующие ценностно-оценочные подсферы:

- суд и юриспруденция: в русском языке *Не бойся закона, бойся судьи; Закон как дышло: куда повернёшь – туда и вышло; Законы святы, да законники супостаты*, в английском языке *as grave as a judge* (т.е. надутый, важный); *devil's advocate* (злостный критикан, злопыхатель);
- высшее военно-морское начальство: в русском языке *Красная нужда – дворянская служба; Не довернёшься – бьют, и перевернёшься – бьют* (солдатская пословица со значением «Начальству не угодишь»), в английском языке *The admiral of the red* (военно-морской фразеологизм, означающий пьяницу, обычно высокого ранга);

- начальник безотносительно сферы деятельности: в русском языке *Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак; Хоть мочальник, да твой начальник; Из грязи да в князи; Кто в кони пошёл, тот и воду вози!*

В английском языковом менталитете концепт, соответствующий русскому НАЧАЛЬНИК, не выражен столь чётко, как в русском понимании слова, выражающего данный концепт. В российском сознании это даже не составная часть концепта ВЛАСТЬ, а особый концепт, важная составляющая единого мировоззрения на общество.

Хотелось бы отметить ещё одну важную общую черту, характеризующую фразеологические единицы, обозначающие представителя частной формы власти, в английском и русском языках. Это высокая степень их метафоричности. Для обозначения начальства используется достаточно большое количество лексем из семантических сфер растительного и животного мира, например *Большая шишка, Большой перец, Вожак стаи, Big fish / big dog / big bug* и многие другие.

Итак, подводя итог вышесказанному, можно заключить, что в разных языках имеются и идентичные и разные средства репрезентации концептов, что детерминировано не только особенностями строя каждого языка, но экстралингвистическими факторами, особенностями культуры, традиций, политического устройства и т. д.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ЧЕКУЛАЙ, И. В. (2006): *Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка*: Дис. ... д-ра филол. наук, Белгород.

МАРИЯ СТАРОСТИНА

Чехия, Оломоуц

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕНЕГ И БОГАТСТВА В ЧЕШСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

ABSTRACT:

The article analyzes and compares Czech and Russian idioms containing the concept *wealth*. The author also explains the idea of *concept* itself and compares definitions of *wealth* and *money* for both languages. While analyzing the material the author shows equivalent and non-equivalent idioms to define similarities and dimensions between Russian and Czech cultures and understand the meaning of *wealth* and *money* for both of them better.

KEY WORDS:

Cognitive linguistics – concept – language – phraseology – idiom – connotation – culture – equivalent – wealth – money.

Концепт является одним из основных понятий когнитивной лингвистики, а также одним из основных предметов ее исследования. Однако общее определение концепта в современной лингвистике найти сложно. До сих пор существует несколько основных принятых определений данного понятия, хотя все они базируются на понимании концепта как содержания понятия, синониме смысла. Концепты представляют мир в сознании человека, образуют концептуальную систему и складываются в картину мира. Таким образом, концепт является «строительным материалом» для мозаичного представления о мире, он многомерен по своей внутренней форме, т.к. включает в себя не просто осмысление социокультурных аспектов, а скорее то, как они переживаются носителем языка, какие эмоции, ассоциации и коннотации они вызывают у человека.

«Любой концепт вбирает в себя обобщенное содержание множества форм выражения в естественном языке..., это результат соединения словарного значения слова с личным и этническим опытом человека» [Маслова 2007: 48].

Деньги, так же как и понятия *любовь*, *время*, *судьба*, *закон*, *власть* и т.д., относятся к центральным понятиям любой культуры. Деньги являются много-

мерным объектом, связанным с культурой, и играют важную роль в человеческой деятельности.

Важным способом выявления и изучения концептов является и анализ фразеологии. Она отражает и фиксирует в языке важнейшие культурные явления, поэтому и понятие *деньги* нашло свое место как в чешской, так и в русской фразеологии, ср.: *sedět na penězích, být bez peněz, při penězích, čas jsou peníze* и т.д.; *бешеные деньги, большие деньги, быть при деньгах, полтинник не деньги* и т.д.

В толковых словарях обоих языков [Ожегов, Шведова 1997; *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost* 2001] слово *деньги* / *peníze* в первом значении описывается как нечто, являющееся способом оплаты, а во втором в русском языке *деньги* – это капитал либо средства, а в чешском *peníze* – признанное государством средство оплаты.

Примечательно, что в чешском языке в толковом словаре нет отдельной статьи *peníze*, т.е. *деньги*. Как мы видим, это понятие существует как множественное число от существительного *peníz*. В свою очередь, русские синонимы слова *деньги*, такие как *деньга, денюжка*, выделены в отдельные словарные статьи.

Сам концепт *деньги* бесспорно связан с понятием *богатство*, а оценка отношения к богатству в обществе, так же как и отношения к власти, может помочь при анализе любой культуры, сравнении менталитетов разных народов. В данной работе нас будет интересовать сравнение фразеологического материала чешского и русского языков, отражающего концепт *деньги*.

Для начала подчеркнем, что в обоих языках существуют ФЕ, отражающие как положительное отношение к деньгам, ср. в русском: *Без денег в город – сам себе враг. Денежка не бог, а бережет. Денежка рубль бережет, а рубль голову стережет.*; в чешском: *Peníz v měšce i na cestě je největší přítel. Je dlouhý jako týden bez peněz*; так и отрицательное отношение, ср.: в русском: *Богатый бережет розу, а бедный одежду. Лишние деньги – лишняя забота. Где говорят деньги, там молчит совесть* и т.д.; в чешском: *Kdož nemá peněz, ten hůby jez. Kdo má peněz dosti, vítaj, milý hosti!* и т.д.

Фразеология отражает разные стороны отношения к наличию или отсутствию денег, или богатству. Например, идея о том, что к деньгам нужно относиться бережно и необходимо экономить: *Penězům svědčí počítání – Деньги счет любят; Přichovávej peněz z mladosti, aby potom věděl, kde brát v starosti – Лишнюю копейку береги про черный день; Peníze jsou rukojmí peněz – Копейка рубль приведет, а рубль другой приведет.*

Во фразеологии и чешского, и русского языков также отразилось крайне униженное положение тех, у кого не было денег, ср. в чешском: *Kdož nemá peněz, ten hůby jez, Chudý nerovná se bohatému, Chudý s bohatým nehoduj, mladý se starým na freji nestůj, Bohatí škrábí chudého*, ср. в русском: *Бедному зятю и тестю не рад, Бедному кусок за целый ломток, Бедный и к празднику у соседа отпрашивается.*

Помимо этого, интересно обратить внимание на ФЕ, говорящие об отношении к честности и уму в зависимости от наличия денег: *Peníze před rozumem*

chodí /деньги перед умом ходят/, *Bohatý, v úmysle neřádný, podoben jest zabýdlenímu* /богатый, в намерениях непорядочный, подобен прижившемуся/, *Boháč a sviňka po smrti zvěřinka* /богач и свинка после смерти дичь/, *Bohatému netřeba rozumu* /богатому не нужен ум/.

Здесь явно прослеживается ирония по отношению к понятию *богатство*. По сравнению с русскими фразеологизмами данной группы следует все же отметить отсутствие пренебрежительного отношения к рассматриваемому концепту, ср.: *Денег много да разума мало. Денег много – мельницу заведи. Денег накопил да дури закупил. Денег палата, да ума-то маловато. Лучше бедность, да честность, нежели прибыль, да стыд. Лучше быть честным бедняком, чем богатым подлецом*. В любом случае характерно, что и в русском, и в чешском языках большая часть данных ФЕ несет отрицательную коннотацию.

Кроме того, во фразеологии отражено мнение о том, что благодаря деньгам открываются различные возможности, ср. в чешском: *Kdo maže ten jede* – *He подмажешь, не поедешь*, *Slovo dělá muže, ale peníz pána* /слово делает мужчину, а деньги господина/ *Kdo má peněz dosti, vítaj, milý hosti!* /у кого денег достаточно «добро пожаловать, милый гость!»/; в русском: *Денежка и на камне дыру вертит. Денежка не бог, а бережет. Денежки в кармане – все друзья с нами. Копейка обоз гонит*.

Утверждение, что «деньги не все», также нашло свое отражение как в чешском, так и в русском языке, ср.: *Nebe za peníze nekoupíš* /небо за деньги не купишь/ и *Не в деньгах счастье, Бедность не порок, Лучше в бедности, да с милым, чем в богатстве, да с постылым*.

Мы считаем нужным отметить чешский фразеологизм, отражающий безысходное положение бедных слоев населения: *Když povstane chudý a začne bohatět* /когда восстанет бедный и начнет богатеть/.

Интересно также сравнить ФЕ данной тематики по степени их эквивалентности для чешского и русского языков. Разделим его на две категории: ФЕ, содержащие эквивалентные ключевые понятия, и безэквивалентные ФЕ, характерные только для одного из языков.

К эквивалентным ФЕ мы отнесем следующие: *Vysázet peníze na desku* /выложить деньги на доску/, *Vysázet peníze na dřevo* /выложить деньги на дерево/ – *Деньги на бочку. Penězi mrtvit* /убивать деньги/ *тратить зря*. – *Просвистывать / просвистеть деньги. Dej na to chudé* /дай это бедным/ – *На бедность. Může penězi dláždit* /деньгами может мостить мостовую/, *Mít peněz jako hadrů* /иметь денег как тряпок/, *Mít peněz jako babek* /иметь денег как бабок/, *Mít peněz jako blech* /иметь денег как блох/ – *Денег – куры не клюют и собаки не едят*. – Чешский язык в значении *много денег* предоставляет большее количество синонимичных эквивалентов фразеологизмов, чем русский.

Помимо вышеприведенных, к эквивалентным ФЕ также можно отнести: *Žok peněz* /мешок денег/ – *Денежный мешок. Jidášský peníz* /иудовы деньги/ – *Тридцать серебрянников. Koupil za mnišský peněz* /купил за монашеские деньги/ – *На медные деньги. Vyházovat peníze do větru/vzduchu* /выбрасывать деньги на ветер/, *Peníze jsou v prachu* /деньги в пыль/ – *Плакали мои денежки*.

Penězům svědčí počítání /деньгам идет на пользу счет/ – Деньги счет любят. Kdo má peněz dosti, vítaj, milý hosti! /у кого денег достаточно «добро пожаловать, милый гость!»/ – Денежки в кармане – все друзья с нами. Kdož nemá peněz, ten hůby jez /у кого нет денег, тот грибы ешь/ – Бедному кусок за целый ломоток.

Peníze před rozumem chodí /деньги перед умом ходят/ – Денег много да разума мало, Денег накопил да дури закупил. – Интересно, что в русском языке ФЕ единиц, отражающих мнение о том, что богатый не может быть носителем положительных качеств, больше, чем в чешском языке. – Bohatému netřeba rozumu /богатому не нужен ум/ – Денег палата, да ума-то маловато.

Měl by platit a peníze na Humpolci /должен был заплатить, а деньги на Гумполце/ – Денег много, да кошелька нет. Tak sobě peníz malý váží jako groš český /маленькая денежка так себя ценит, как чешский грош/ – Гроша не стоит, а глядит рублем. Peníze jsou rukojmí peněz /деньги – заложники денег/ – Денежки – что голуби: где обживутся, там и поведутся. Kdo máže ten jede /кто мажет, тот едет/ – Не подмажешь не поедешь. Nebe za peníze nekoupíš /небо за деньги не купишь/ – Не в деньгах счастье. Pase po penězích jako čert po hříšných duších /Ловит деньги, как черт грешные души/, Sedí na penězích (jako krkavec) /он сидит на деньгах (как ворон)/, Je hlad na peníze /голод до денег/, Je chrt na peníze /борзой до денег/ – Он падох до денег, Трясется над каждой копейкой, У него каждая копейка гвоздем приколочена.

Как видно из проведенного выше сравнения, чешская и русская фразеология предоставляет большой спектр эквивалентных фразеологических единиц по рассматриваемой нами тематике. Стоит отметить, что в чешском языке встречается больше синонимичных ФЕ со значением *много*, чем в русском, а также больше синонимов, говорящих о жадности человека. В то же время русская фразеология богаче отражает мнение о глупости и непорядочности человека, обладающего деньгами.

Следующие фразеологизмы являются безэквивалентными:

- чешские – *Ten peníz, který zachováš, jest tak dobrý jako ten, který vyděláš /те деньги, которые сохранишь, так же хороши, как те, которые заработаешь/. Peníz pán, chmel hrdina /деньги – господин, хмель – герой/. Boháč a sviňka po smrti zvěřinka /богач и свинка после смерти дичь/. Když povstane chudý a začne bohatět /когда восстанет бедный и начнет богатеть/. Pokora činí pokoj, pokoj činí bohatsví /смирение создает покой, покой создает богатство/. Bohatí škrabí chudého /богатые скоблят бедного/. Chudý nerovnej se bohatému /бедный не ровня богатому/. Chudý s bohatým nehoduj, mladý se starým na freji nestůj /бедный с богатым не ругайся, молодой со старым в любовных похождениях не соревнуйся/. Slovo dělá muže, ale peníz rána /слово делает мужчину, а деньги господина/.*
- русские: *Шальные/шалые деньги. Беден, да честен. Бедному одеться – только подпоясаться. Бедному смерть не страшна. Бедность и мудрого смиряет. Бедность крадет, а нужда лжет. Бедность не грех, а до*

греха доводит. Бедность не порок. Без денег сон крепче. Горе – деньги, а вдвое – без денег. Без денег в город – сам себе враг. Без денег – везде худенек. Без денег сам черт бездельник.

Примечательно, что чешские фразеологизмы, не имеющие эквивалента в русском языке, несут в себе идею о том, что бедный никогда не станет богатым, а также, что бедный ни в чем не может сравниться с богатым, т.е. бедняк «стоит» ниже, чем богач. С этой позиции в русской фразеологии также отразилось крайне униженное положение бедняка, однако довольно ярко (о чем свидетельствует большое количество синонимов) демонстрируется мысль «не богатый, но зато честный».

Чрезвычайно сложное отношение к богатству сложилось как в России, так и в Чехии, что подтверждается нашим исследованием.

Русская культура и литература всегда провозглашала: «не в деньгах счастье» и «бедность не порок». Мысль о том, что счастье не купишь, глубоко укоренилась в сознании русских людей.

Интересно, что ко второй половине XIX века некоторые русские купцы скопили в своих руках значительные средства благодаря своей предприимчивости и деловым качествам, однако необъяснимое чувство вины за чрезмерное богатство заставляло купцов тратить огромные средства на пожертвования в пользу бедняков. Для многих из них меценатство и благотворительность обернулись полным разорением, но накопление денег само по себе не имело смысла и становилось своеобразным грузом на душе [Павловская 2003: 22–23]

Как у чехов, так и у русских богатство вызывает зависть и неприязнь, однако также для обоих народов характерно и двойное, сложное отношение к деньгам, демонстрирующее мысль о том, что без денег трудно жить.

Как в чешских, так и в русских фразеологизмах, отражающих характеристику денег и богатства, негативное отношение чаще выражается не непосредственно к деньгам, а к людям, которые ими обладают.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Academia. Praha, 2001.

МАСЛОВА, В. А. (2007): *Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие*. М.

ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. (1997): *Толковый словарь русского языка*.

ПАВЛОВСКАЯ, А. В. (2003): *Как иметь дело с русскими*. Изд-во МГУ.

ПЕТРА ФОЙТУ

Чехия, Оломоуц

КАЛЬКИ С АНГЛИЙСКОГО В РУССКОМ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

ABSTRACT:

In the paper selected idioms of English origin in Russian, Czech and in other languages are analyzed, demonstrating their dynamics. The author describes various reasons for the existence of these idioms in Russian and in other languages and the various types of quantitative and qualitative changes, the idioms of English origin in Russian and other language undergo.

KEY WORDS:

Russian idioms – idioms of English origin – international idioms – dynamic processes of idioms – changes in the idioms.

В нашей статье мы сосредоточимся на одной группе интернациональных фразеологизмов, которая в последнее время очень быстро пополняется, а именно на кальках с английского языка.

Л. Степанова, описывая динамические процессы во фразеологии, отмечает: «Самый заметный процесс – это активное обогащение фразеологии за счёт заимствований. Новая волна англицизмов (или американизмов), захлестнувшая славянские языки, которую некоторые называют даже «языковой интервенцией», ведёт к быстрому расширению интернационального ядра фразеологии» [Степанова 2008: 19]. Хотя среди калек с английского языка встречаются и ФЕ, вошедшие в состав русского и других языков раньше (*стирать публично грязное бельё*, *охота на ведьм* или выражение *перед мысленным взором*, известное благодаря У. Шекспиру), большинство этих оборотов – фразеологические неологизмы, пришедшие в русский и другие языки в период последних двадцати лет (*медные каски*, *белые воротнички*, *чёрная дыра*). Значение английского языка в обогащении фразеологии русского языка подтверждают также работы А. Бириха, Й. Матешича, М. Алексеенко, Й. Игнатович-Сковроньской [Бирих, Матешич 2008: 240А; Алексеенко 2008: 280–281; Jolanta Ignatowicz-Skowronńska 2008: 133 и других]. Как замечает М. Алексеенко, «современное состояние русского языка называют русанглом» [Алексеенко 2008: 275].

Влияние английского языка на другие языки в последнее время отмечает и П. Крейчи, который, исследуя болгарскую и чешскую фразеологию газетно-публицистического стиля, обращает внимание на возникновение неологизмов. Среди трёх неологизмов, приводимых автором в работе, первым является ФЕ *podreždam kušata* (букв. «убираю свой дом»). Это, по мнению автора, – калька с английского *put one's house in order* [Krejčí 2006: 75]. То, что возникновение нового фразеологизма калькированием с английского отмечает именно автор работы о фразеологии газетно-публицистического стиля, не случайно. Другой исследователь фразеологии, Гана Српова, приходит к выводу, что новые фразеологизмы – кальки с английского – приходят в язык именно посредством газет. В качестве примера она, анализируя чешские обороты, приводит следующие примеры: *světlo na konci tunelu* – *light at the end of the tunnel*; *vyjít z úkrytu* – *come out of closet*; *kostlivec ve skříni* – *skeleton in the cupboard / closet* [Srpová 2003: 138] (вариантность последнего компонента фразеологизма в английском и отсутствие вариантов в чешском и других языках является, если опираться на теорию В. М. Мокиенко, доказательством того, что фразеологизм возник именно в английском языке и в другие языки распространился калькированием). Вывод Г. Срповой о влиянии СМИ на проникновение английских фразеологизмов подтверждает статья Н. Ф. Алефиренко, в которой автор в разделе экстралингвистических факторов, оказавших влияние на возникновение фразеологических неологизмов, приводит факторы культурно-просветительского характера, под которыми подразумевает ФЕ из речи политиков, СМИ, именно фразеологизмы английского происхождения [Алефиренко 2008: 251]. Действительно, очень часто с фразеологизмами английского происхождения мы встречаемся именно в газетно-публицистическом стиле.

Теперь несколько слов об интернациональности фразеологизмов английского происхождения:

Л. Степанова, сравнивая чешский и русский языки, приводит целый ряд фразеологизмов – калек с английского, которые можно найти в обоих языках: *красная карточка, промывание мозгов, писать в стол, скелет в шкафу, заметить под ковёр, моя чашка чаю (кофе), делить пирог* и другие [Степанова 2008: 19].

Сам факт такого влияния английского языка и такой миграции фразеологизмов, о которой мы говорили выше, является причиной их интернациональности.

Проблемой статуса интернациональности таких единиц является тот факт, что ситуация с их фиксацией в словарях похожа на ситуацию с фразеологизмами античного происхождения. Если у античных фразеологизмов большинство единиц (по вполне понятной причине, а именно – они почти вышли из употребления) **уже** не фиксируется, то в случае калек с английского целый ряд оборотов **ещё** не фиксируется. Нам, например, не удалось в польском электронном словаре довольно авторитетного польского издательства PWN отыскать эквивалент для русской ФЕ *борьба за существование*. Такой единицы, если опираться на словари, нет и в украинском языке, хотя, как показывает практика, она там несомненно существует.

Кроме того, нет совершенно надёжных, принятых всеми лингвистами правил, определяющих, что уже можно считать фразеологизмом и что является только

окказиональным пословным переводом. Много фразеологизмов благодаря большому влиянию английского языка в экономической теории встречается и в этой области. Кроме приведённой ФЕ *золотой парашют*, нам удалось в теории международной торговли найти, например, употребление выражения *верхние десять тысяч*, но это словосочетание употреблялось скорее в качестве термина. Возможно, тот факт, что данный фразеологизм встречается в таких специальных текстах, стал причиной его распространения и в других исследуемых языках: чеш. *horních deset tisíc*; слов. *horných desať tisíc*; англ. *the upper ten thousand*.

В статье Й. Игнатович-Сковроньской встречаются фразеологизмы английского происхождения в группе так называемой «*frazeologii odgórnej*», то есть в группе фразеологизмов, вошедших в состав языка из официальных текстов [Jolanta Ignatowicz-Skowronńska 2008: 132].

Как доказывают наблюдения М. Янковичовой, среди калек с английского языка много фразеологизмов имеет омонимы именно в области терминов [Янковичова 2002: 59], причём чаще всего это термины спортивные (напр., *схватить краба*, *тёмная лошадка*) и экономические (*мёртвый груз*, *чёрная дыра*).

Некоторые из вышеупомянутых выражений английского происхождения так прочно вошли в состав русского и других языков, что они активно варьируются, включаются в новые контексты (А. Архангельская записывает выражение *чорні діри бюджету*) [Архангельская 2008: 289], Т. Белоусова в своей статье приводит несколько десятков вариантов английского по происхождению выражения *мыльная опера* [Белоусова 2002: 48–51]. В русском жаргоне на основе выражения *хай-лайф*, заимствованного из английского языка в исходной форме, возникает выражение *хай-лайфист* (вариант *хай-лафист*) [Митурска-Бояновска 2008: 316].

Некоторые кальки с английского языка приспосабливаются к реалиям страны; так, выражение *железная леди* – «О Маргарет Тэтчер; о любой женщине, отличающейся решительностью, бескомпромиссностью и высоким профессионализмом» [БМС 2005: 379] – в Украине в настоящее время употребляется о Ю. Тимошенко [Архангельская 2008: 287].

С другой стороны, Л. Степанова в упомянутой статье приводит несколько примеров таких выражений – калек с английского языка, которые существуют в русском языке, но в чешском их нет. Это, например, такие выражения: *бесплатный сыр только в мышеловке*; *не класть все яйца в одну корзину*; *выкручивать руки* [Степанова 2008: 19].

Б. Ю. Норман в своей статье о славянских пословицах среди примеров редких недавно возникших пословиц также приводит несколько калек именно с английского языка (напр., *если ты такой умный, почему ты не богатый*). Среди них в статье встречается фразеологизм *не кладите все яйца в одну корзину* [Норман 2007: 6]. Как уже было сказано, он является примером оборота, который не перешел в другие языки, кроме русского. Его отсутствие в словацком вызвало проблему в переводе последней части книги о Гарри Поттере, где фразеологизм присутствует, но, так как этот фразеологизм может служить при-

мером одного из характерных свойств фразеологизмов – образности, это позволило переводчику воспользоваться почти пословным переводом:

„to nie je otázka dôvery. Ako obaja vieme, môj čas je obmedzený. Je dôležité, aby som chlapcovi odovzdal dostatok informácií, ako má urobiť to, čo musí urobiť. A prečo ja nemôžem dostať tie informácie? Radšej neukladám všetky svoje tajomstvá do jedného koša, najmä do koša, ktorý už toľko rokov visí na Voldemortovej ruke“ (Harry Potter 7: 565) (то есть *не кладу все свои секреты в одну корзину*).

Что касается неинтернациональности фразеологизмов английского происхождения, то можно, кроме разной степени влияния английского языка на другие языки, остановиться на таких случаях, где укреплению оборота в данном языке способствовали обстоятельства, которых в других языках не было.

Таким примером может служить фразеологизм *братцы-кролики*, о котором в словаре БМС написано: оборот – калька и переосмысление английского *brer (brother) Rabbit*. Возникло под впечатлением негритянских (американских) народных сказок о братце Кролике – ловком пройдохе и наглеце. Переосмысленное выражение активизировалось на русской почве благодаря широкоупотребительному обращению *братцы* [БМС 2005: 67]. Из-за приведённого переосмысления фразеологизм не имеет эквивалентов калькированного фразеологизма в других языках.

В заключение хочется ещё раз подчеркнуть огромную роль английской фразеологии в развитии интернационального фразеологического фонда.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- IGNATOWICZ-SKOWROŃSKA, J. (2008): Ekwiwalenty wpelni adekwatne w rosyjsko-polskim słowniku nowej frazeologii rosyjskiej. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, s. 126–134.
- KREJČÍ, P. (2006): *Bulharská a česká publicistická frazeologie ve vzájemném srovnání*. Brno.
- SRPOVÁ, H. (2003): Frazeologie a idiomatika jako zdroj aktualizace v žurnalistickém a reklamním diskursu. In: *Parémie národů slovanských*. Ostrava, s. 135–142.
- АЛЕКСЕЕНКО, М. А. (2008): Отражение актуальных процессов синхронической динамики языка в новой фразеологии. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, s. 274–283.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. (2008): Неофраземика в когнитивно-ономасиологическом аспекте. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, s. 249–261.
- АРХАНГЕЛЬСКАЯ, А. (2008): Фонові знання носіїв мови та фразеологічна неологіка пострадянської доби (на матеріалі української преси останнього десятиліття). In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, s. 284–291.
- БЕЛОУСОВА, Т. П. (2002): Деривационные связи фразеологизма и его производных. In: *Слово, фраза, текст*. Москва, стр. 41–46.
- БИРИХ, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова Л. И. (2005): *Русская фразеология. Историко-этимологический справочник*. Москва.
- БИРИХ, А., Матешич, Й. (2008): Фразеология в русском и хорватском субстандарте. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, s. 235–247.
- ДАНИЛЕНКО, Л. И. (2008): Фразеологічні інновації в мові чеських засобів масової інформації. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, s. 262–267.
- МИТУРСКА-БОЯНОВСКА, Й. (2008): Отфразеологическая лексика в современном русском языке. In: *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, s. 305–313.
- НОРМАН, Б. Ю. (2007): Славянские паремии: архаика и новации, мудрость и алогизм. In: *Opera Slavica XVII*, s. 1–12.
- СТЕПАНОВА, Л. С. (2008): Динамические процессы в интернациональной фразеологии. In: *Rossica Olomucensia XIX*, Olomouc, стр. 17–21.
- ЯНКОВИЧОВА, М. (2002): Образные выражения в русской бизнес-коммуникации. In: *Lingua et communicatio in sphaera mercaturae. Bohemica – Britanica – Germanica – Rossica Ostraviensia*. Ostrava, s. 55–60.

МИЛАДА ЯНКОВИЧОВА

Словакия, Нитра

РУССКИЕ ПРОСТОРЕЧНЫЕ ФРАЗЕМЫ И ИХ СЛОВАЦКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

ABSTRACT:

The article analyses the semantics and form of Russian vernacular idioms focusing on their coarse form of expression which reflects pejorative relation to the named object as well as on the ways of preserving this coarse form of expression in Slovak equivalents of the Russian vernacular idioms.

KEY WORDS:

Russian vernacular idioms – semantics and form of idioms – Slovak equivalents of Russian vernacular idioms.

Русские просторечные фраземы определяются в работах по фразеологии как единицы: 1) относящиеся к разговорному стилю речи; 2) употребляющиеся преимущественно в устной непринужденной речи; 3) отличающиеся повышенной экспрессией; 4) характеризующиеся грубоватой формой выражения; 5) находящиеся на периферии литературного языка. Указанные признаки, однако, слишком общи и не дают конкретного представления об этом пласте русской фразеологии. Его может дать, надо полагать, описание набора просторечных фразем, зафиксированных в любом словаре русской фразеологии, так как фразеографы тщательно взвешивают все признаки каждой приводимой ими в словаре фраземы для того, чтобы снабдить ее конкретной пометой, в том числе пометой «*прост.*» – *просторечное*. В качестве такого словаря может служить *Словарь фразеологических синонимов русского языка* [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001], выбор которого мотивирован как его относительной новизной, так и тем, что фраземы в нем приводятся в виде синонимических рядов, объединенных общей лексической смысловой доминантой. В словарь включено около 7000 фразем, достаточно полно представляющих фразеологический материал. Пометой «*прост.*» снабжено приблизительно 1400 русских фразем. Это – одна пятая от общего количества фразем, причём просто-

речные фраземы встречаются в 450 из 900 синонимических рядов, т. е. в половине рядов.

Семантика русских просторечных фразем

Анализ фразем отдельных синонимических рядов показывает, что просторечные фраземы выражают отрицательную оценку обозначаемого объекта действительности (людей, предметов, действий, ситуаций). Но не только: они также отражают грубоватое и уничижительное отношение к нему. Представляется, что именно этим просторечные фраземы отличаются от разговорных: отрицательную оценку могут выражать и разговорные фраземы, но совмещение отрицательной рациональной оценки объекта действительности с грубоватым эмоциональным отношением к нему – лишь просторечные фраземы.

Небольшое количество приводимых в словаре синонимических рядов не содержит ни одной просторечной фраземы (*жертвовать / пожертвовать, искренний, красивый, мастер, покорный, радоваться, щедрый* и др.). Только один ряд состоит исключительно из просторечных фразем (*клясться*). Преобладают же ряды, в которые просторечные фраземы входят наряду с разговорными и/или книжными, но составляют при этом большинство (*бить/избить, вздор, глупый (дурак), кичиться, лгать (врать), лицемер, обманывать/обмануть, перебежчик, скупой, сплетничать, трусливый, убивать/убить, угождать и др.*). Семантика просторечных фразем свидетельствует о том, что некоторые объекты действительности допускают, а некоторые не допускают грубоватого отношения к ним. Дальнейшее изучение должно быть направлено именно на их выявление и детальное описание.

Форма русских просторечных фразем

Характерное для просторечных фразем грубоватое отношение к объекту действительности может находить проявление в грубоватой форме их выражения.

1) Грубоватость просторечных фразем создается главным образом за счет просторечных слов в их компонентном составе. Просторечная фразема может состоять полностью из стилистически нейтральных или разговорных слов (*дальше ехать некуда, замазывать/замазать глаза кому, щёлкать зубами [от голода]*), однако наличие просторечного слова в составе фраземы обязательно влечет за собой её просторечность. Группа просторечных слов, выступающих в качестве компонентов просторечных фразем, состоит из нескольких основных подгрупп: а) просторечные наименования частей тела человека, являющиеся стилистическими синонимами их нейтральных наименований (*башка, пузо* и др.): *упрямая башка, наедаться/наестся (напиваться/напиться) от пизы*; б) просторечные наименования частей тела человека, являющиеся нейтральными наименованиями частей тела животных (*глотка, лапа, брюхо, морда, рыло, шкура, хребет* и др.): *ползть на брюхе перед кем, воротить (отворачивать/отворотить) морду (рыло) от кого, беречь свою шкуру, ломать/сломать хребет кому*; в) иные просторечные слова – стилистические синонимы нейтральных слов (*глазеть, дыхнуть, дохнуть/сдохнуть, цуцки, жор, дармовщина* и др.): *глазеть по сторонам, хоть сдохни,*

жор напал на кого (просторечные и нейтральные слова иногда выступают как лексические варианты фраземы, напр.: *дурья (дурная) голова (башка), распускать горло (глотку), из кожи (из шкуры) [вон] лезть (вылезать), гнуть (ломать) спину (хребет), смотреть (глазеть) по сторонам, хоть умри (хоть сдохни), дохнуть (дыхнуть) некогда*); г) просторечные слова, встречающиеся в русском языке только в одном сочетании, иногда в двух-трех сочетаниях: *с бухты-барахты, тютелька в тютельку, тят да ляп, чик в чик, на фуфу* (делать что), *шурум-бурум, крутить шуры-муры с кем, разводить/развести шуры-муры, шахер-махер* и др.

2) Вторую группу слов, создающих грубоватость формы выражения русских просторечных фразем, образуют наименования животных и частей их тела (*собака, свинья, курица, индюк, боров, козел, хвост, рога, жабры* и др.): *каждая собака, пьян (пьяный) как свинья кто, грязный как козел, вилять (вертеть, крутить) хвостом перед кем, вставать/встать на рога, брать/взять (хватать/схватить) за жабры* кого.

3) Особое место занимает слово *черт*, придающее всем фраземам, содержащим его в своем составе, просторечный характер, ср.: *чем черт не шутит, злой как черт, что за черт (дьявол)!, грязный как черт, вертеться как черт, какой (кой) черт!?, один черт*.

Словацкие эквиваленты русских просторечных фразем

Просторечие считается специфическим пластом исключительно русской лексики и фразеологии, тем не менее, аналогичные лексические и фразеологические средства находим также в словарном составе других языков. В словацкой лексике русским просторечным словам соответствуют сниженные разговорные слова (*nižšie hovorové slová*), выделяющиеся в рамках разговорного стиля, которые по сравнению с разговорными словами отличаются более высокой степенью экспрессии, общественной неуместностью и периферийностью в системе литературного языка [Krátky slovník slovenského jazyka 2003: 29]. Русским просторечным фраземам аналогичны словацкие фраземы с ярко выраженной разговорностью (*frazémy s výraznou hovorovosťou*), которая проявляется в их экспрессивности и эмоциональности [Mlacek, Ďurčo 1995: 120].

Сопоставляя русские просторечные фраземы с их словацкими эквивалентами, можно сделать следующие выводы:

1) Грубоватость словацких фразем с ярко выраженной разговорностью создается преимущественно за счет употребления в них сниженных разговорных слов, ср.: *tvrdá kotrba, napchať si bachor do prasknutia, zízať (civieť) do prázdna, mať techtle-mechtle s niekým*. Но в отличие от русских фразем, в словацкой фразеологии сниженные разговорные слова в качестве компонентов фразем употребляются намного реже, ср.: *пустая башка – prázdna hlava, ползать на брюхе перед кем – plazíť sa na (po) bruchu pred niekým*. В результате словацкие фразеологические эквиваленты лишены грубоватой формы выражения русской фраземы; она сохраняется тогда, когда фразеологический эквивалент заменяется сниженным разговорным словом, ср.: *башка варит у кого – páli to niekomu, разевать/разинуть рот – ziapať, шалить-валяй (делать что) – halabala (robiť niečo)*. Рус-

ские фраземы, в которых варьируются просторечные и нейтральные слова, имеют, как правило, в словацком языке эквивалент с нейтральным словом: с *головой* (с *башкой*) кто – *má hlavu na správnom mieste*, *понимать/понять* (сметать/сметнуть) что к чему – *pochopiť, o čo ide*.

Некоторые русские просторечные слова вообще не имеют в словацком языке эквивалента в виде сниженного разговорного слова; в таком случае русским фраземам с просторечным словом соответствуют словацкие фраземы с нейтральным словом. Так, словацкие фраземы с нейтральными компонентами *koža*, *chrbát* являются эквивалентами как русских фразем с компонентами *кожа*, *спина*, так и фразем с компонентами *шкура*, *хребет*, ср.: *беречь свою шкуру* – *chrániť si svoju kožu*, *толстая кожа у кого* – *má hrošiu kožu*, *ломать/сломать хребет кому* – *namastiť chrbát niekomu*, *гнуть спину (хребет) перед кем* – *ohýbať chrbát pred niekým*.

2) Грубоватую форму выражения русских просторечных фразем, содержащих в качестве компонента наименования животных и частей их тела, сохраняют словацкие фраземы как за счет употребления в них эквивалентных словацких наименований, ср.: *злой как собака* – *zlý ako pes*, *поджимать/поджать хвост* – *sťahovať/stiahnuť chvost*, так и за счет наименований других животных или частей их тела, ср.: *ленивый как боров* – *lenivý ako voš*, *путь как лошадь* – *piť ako doga*. Однако эквивалентные словацкие фраземы часто относятся не к просторечным, а к разговорным фраземам, ср.: *укорачивать/укоротить хвост кому* – *zrážať/zraziť hrebienok niekomu*, *обламывать/обломать рога кому* – *pristrihovať/pristrihnúť krídelká niekomu*.

3) Русские просторечные фраземы с компонентом *черт* имеют в словацком языке эквиваленты с компонентом *čert* или его синонимами *diabol*, *fras*, *d'as*, *parom*, обеспечивающие грубоватость выражения, ср.: *вертеться как черт* – *všetci čerti s ním šijú*, *у черта на куличках (на рогах)* – *v čertoch-diabloch*, *один черт* – *čert ako diabol*, *что за черт!* – *do čerta (do frasa, do paroma)!*, *какой черт!?* – *ký čert (fras, d'as, parom)?!*

Итак, русские просторечные фраземы, характеризующиеся совмещением в их семантике отрицательной оценки объекта действительности с грубоватым отношением к нему, представляют собой довольно многочисленный пласт русской фразеологии. Грубоватое отношение к объекту действительности, которым просторечные фраземы отличаются от разговорных, находит часто проявление в грубоватой форме их выражения, а именно: в употреблении в их компонентном составе просторечных слов, наименований животных и частей их тела, как и слова *черт*. Грубоватость формы выражения словацких фразем с ярко выраженной разговорностью достигается аналогичными средствами. Но поскольку сниженные разговорные слова, а также некоторые наименования животных и частей их тела выступают в качестве компонентов словацких фразем намного реже (за исключением слова *черт*), они не составляют многочисленный пласт словацкой фразеологии. В результате словацкими эквивалентами русских просторечных фразем являются не только фраземы с ярко

выраженной разговорностью, но и сниженные разговорные слова, сохраняющие грубоватую форму выражения русских просторечных фразем.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- J. KAČALA, M. PISÁRČIKOVÁ (hl. red.) (2003): *Krátky slovník slovenského jazyka*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.
- MLACEK, J., ĎURČO, P. a kol. (1995): *Frazeologická terminológia*. Bratislava: Stimul.
- БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И. (2001): *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Москва: «Астрель».

**ДОКЛАДЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

